

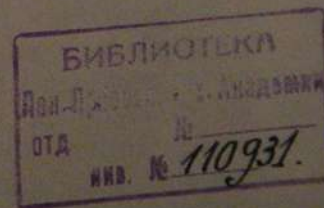
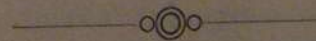
В. Е. Макаровъ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

ОТЪ НИКОНА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

А. ТУРЫГИНЪ

МОСКВА.
Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова. Большая Садовая, соб. домъ.
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней“, предлагаемый мною благосклонному вниманію читателей, написанъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, помочь старообрядцамъ, обучающимъ и обучающимся въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ, дать нѣчто въ видѣ руководства законоучителямъ и учебнаго пособия ученикамъ— для класснаго или внѣкласснаго чтенія и изученія. Въ такого рода учебномъ пособіи въ настоящее время, когда во многихъ мѣстахъ получили право преподавать Законъ Божій старообрядческіе законоучители, ощущается сильная потребность, такъ какъ нѣтъ пока ни одного учебника по исторіи церкви, написаннаго старообрядцами. Особенно острая нужда ощущается въ изданіи исторіи церкви отъ Никона до нашихъ дней, такъ какъ исторію церкви дониконовскаго времени можно еще въ силу крайней необходимости, съ грѣхомъ пополамъ, преподавать по учебникамъ, написаннымъ послѣдователями государственной церкви, хотя, конечно, при условіи, если преподаватель довольно опытенъ и свѣдушъ, такъ что въ силахъ сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимыя дополненія, поясненія и поправки. Но преподавать исторію церкви, начиная отъ Никона, по такимъ учебникамъ, по моему мнѣнію, прямо преступно передъ старообрядчествомъ и передъ нашимъ подростаящимъ поколѣніемъ, такъ какъ изъ такого рода учебниковъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь нейтральнаго, правдиваго и не пропитаннаго тенденціозностью. Преподавать же безъ всякаго руководства даже люди со спеціальной подготовкой затрудняются, а не только наши законоучители, допущенные по нуждѣ даже безъ всякаго образовательнаго ценза. А вѣдь всѣмъ хорошо извѣстно, много ли у насъ людей, хорошо знающихъ исторію церкви вообще и исторію старообрядчества въ частности.

Предлагаемый трудъ по этой причинѣ написанъ былъ спѣшно, чтобы немедленно прійти на помощь въ дѣлѣ законоучительства, а потому авторъ проситъ не относиться къ нему слишкомъ строго. Читатели не найдутъ здѣсь про-

страннаго хронологическаго изложенія всѣхъ церковныхъ событій и всѣхъ перипетій церковной жизни послѣднихъ 2½ столѣтій. Я далъ только общіе контуры и очертанія нашей исторіи, логическую связь событій, отмѣтилъ важнѣйшія изъ нихъ, по возможности стремился указать главныя и существеннѣйшія этапы исторіи старообрядческой церкви. Настоящій историческій очеркъ былъ предложенъ въ видѣ публичнаго чтенія въ старообрядческомъ братствѣ св. креста въ Москвѣ въ 1909 году и не вызвалъ возраженій, что до известной степени служитъ указаніемъ того, что въ немъ нѣтъ грубыхъ ошибокъ и недостатковъ, а потому по данной имъ общей канвѣ всякій можетъ продолжать рисовать тѣ или другія детали исторіи старообрядчества.

Авторъ.

Краткій очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней.

Патріархъ Никонъ и его „реформа“ русской православной церкви.

Вторая половина семнадцатаго столѣтія была роковой для русской православной церкви. Никонъ, шестой патріархъ всероссійскій, не понявшій и не оцѣнившій значенія русской церкви, какъ единственной въ то время, сохранившей чистоту православія, произвелъ такъ-называемую церковную „реформу“, которая надломила тѣло церкви, раздѣливъ ея сыновъ враждою другъ къ другу, не прекращающейся и донинѣ.

Забывъ евангельское ученіе и завѣты апостольскіе, пренебрегши указаніями жизни и опыта церкви предшествующихъ вѣковъ, съ ея исторически сложившимися обычаями, законами, порядками и религіозно-правовыми нормами, пренебрегши тѣмъ коллективнымъ смысломъ, который, вырабатываясь вѣками исторической жизни церкви, служитъ нормой ея дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія, Никонъ уклонился въ сторону съ прямой и гладкой дороги, проложенной предками, великими угодниками и святителями, печальниками русской церкви, и пошелъ своей новой дорогой, заставивъ своихъ послѣдователей плутать по оврагамъ, болотамъ и трупобамъ. Духъ гордыни, честолюбія, эгоизма, самодурства и ненасытнаго властолюбія заставилъ Никона не только поставить святительство выше царства, но и затѣять грѣховное дѣло въ нѣдрахъ самой церкви, нарушить церковныя преданія и обычаи, даже огражденные клятвою прежнихъ

св. соборовъ, проклявъ и предавъ на тѣлесныя мученія тѣхъ, кто имъ хотѣлъ слѣдовать.

Никонъ, въ мѣрѣ Никита, былъ сыномъ бѣдныхъ мордовскихъ крестьянъ Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Рано онъ потерялъ мать и, чтобы избавить его отъ преслѣдованій злой и строптивой мачехи, отецъ опредѣлилъ его въ послушники Макарьевского Желтоводскаго монастыря. Преслѣдованія мачехи въ мальчикѣ развили скрытность, злобу и мстительность. Выросши, Никита оставилъ монастырь, женился и былъ поставленъ въ причетники, а затѣмъ и въ священники. Московскіе торговцы, знавшіе его еще въ монастырѣ, бывая тамъ на Макарьевской ярмаркѣ, взяли его священникомъ въ Москву. Лишившись дѣтей, онъ послѣ десятилѣтняго супружества уговорилъ жену итти въ монастырь и самъ ушелъ въ обитель на Анзериттѣ въ монастырь и самъ ушелъ въ обитель на Анзерскомъ островѣ, смежномъ съ островомъ Соловецкимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ ушелъ отсюда въ Кожеезерскую обитель, гдѣ былъ поставленъ въ игумены. Никонъ былъ по тому времени человекомъ начитаннымъ и словеснымъ, но въ то же время хитрымъ и честолюбивымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, услышавъ о немъ, пожелалъ узнать его лично и оставилъ словеснаго игумена въ Москвѣ. Никонъ былъ поставленъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря. Увлечшійся Никономъ „тишайшій“ царь Алексѣй въ 1648 году заставилъ поставить его митрополитомъ Новгорода, въ нарушение каноновъ, при жизни не отказавшагося отъ каѳедры митрополита Новгородскаго. Скоро случился въ Новгородѣ народный бунтъ противъ царскихъ намѣстниковъ. Никонъ помогъ усмирить его, и царь сталъ вызывать его въ Москву для совѣтовъ.

По смерти патриарха Іосифа царь поставилъ на его мѣсто Никона, который согласился на это лишь при условіи, если ему будетъ оказываемо безусловное послушаніе во всемъ. „Тишайшій“ царь сильно приблизилъ патриарха къ себѣ и своей семьѣ. Ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ Никона, который сталъ именоваться „Великимъ государемъ“. Разумѣется, что все это не могло не способствовать еще большому развитію въ Никонѣ гордости, заносчивости, самоинѣнія и властолюбія. Всѣмъ страшились и трепетали этого временщика, притомъ крайне жестокаго и мстительнаго, фактически воровчавшаго всеми государственными дѣлами. Своей хитростью и смѣлостью онъ сумѣлъ отодвинуть царя на второй планъ и, по словамъ современ-

никовъ, „царской власти въ Россіи стало не слышно“. До чего Никонъ много возомнилъ о себѣ, показываетъ слѣдующее его заявленіе, переданное потомъ въ присутствіи цѣлаго собора: „Мнѣ и царская помощь въ присутствіи цѣна, да такъ на нее и плюю, и сморкаю“.

Если Никонъ такъ относился къ государственной власти, то что же сказать о его дѣйствіяхъ внутри церкви и его отношеніяхъ къ своимъ братьямъ и паствѣ, надъ которыми онъ получилъ неограниченную власть? Всѣ испугались этого свирѣпаго деспота-самадура... Онъ страшный тиранъ даже для людей сильныхъ, состоящихъ на царской службѣ. На него не имѣетъ вліянія никакое ходатайство, кѣмъ бы оно ни было принесено.

Надъ духовенствомъ Никонъ сталъ властвовать неограниченно и деспотически. Онъ держалъ себя высоко и недоступно не только съ низшимъ клиромъ, но и съ архіереями, не хотѣлъ называть ихъ братьями, а называлъ лишь сынами, даже иноземныхъ митрополитовъ, не уважалъ ихъ сана, нарушалъ ихъ права, съ беспощадною строгостью и суровостью преслѣдуя всѣхъ и наполняя своими ослушниками темницы. Однажды близкій къ Никону священникъ Григорій сказалъ ему: „Какая тебѣ честь, владыко святой, что всякому ты страшенъ и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете-ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ“.

Все это не соответствовало установившимся нравамъ и обычаямъ, никакъ не вязалось съ думами, чувствами и стремленіями православнаго русскаго народа, не похоже было на прежнія братскія отношенія между народомъ, священниками и архіереями, и принципъ власти, субординацію, введенную Никономъ, народъ справедливо почиталъ принадлежностью „латинства“ и „папства“. „Ничтоже тако расколъ творить въ церквахъ,—писалъ впоследствии царю протопопъ Аввакумъ, „яко любоначаліе во властѣхъ“.

Захвативъ въ свои руки правленіе и церковное, и гражданское, достигнувъ апогея своей неограниченной власти, Никонъ имѣлъ намѣреніе даже носить званіе папы, и есть положительныя извѣстія, что у него даже готовы были всѣ папскія регаліи. На соборѣ 1667 года, между прочимъ, было удостовѣрено, что Никонъ перемѣнилъ обычай прежнихъ московскихъ патриарховъ,—вмѣсто синихъ скрижалей сталъ носить „червленныя“; переоблачался во время божественнаго

тайнодѣйствія и, имѣя восемьдесятъ саккосовъ, за одной обѣдней перемѣняли ихъ до двадцати; чтобы казаться подобнымъ Вышнему, назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами. И такой человекъ взялся за реформу русской православной церкви! Разумѣется, выйти изъ этого что-либо путное не могло. Въѣз церковная реформа, это—такое важное дѣло, которое требуетъ отъ лицъ, проводящихъ ее, уравновѣженности, спокойствія, хладнокровія, безпристрастія, добросовѣстности, а также осторожности. Только тогда такое, въ сущности, такта и дальновидности. Только тогда такое, въ сущности, общецерковное дѣло не нарушаетъ мира и благоденствія церкви, когда оно производится на виду у всѣхъ, съ общаго согласія и совѣта, по строго-опредѣленному, твердому, разумному и продуманному плану, отвѣчающему всѣмъ соизнаваемой и ощущаемой церковной нуждѣ и потребностямъ, когда все до мелкихъ подробностей творится подъ контролемъ церкви-народа, при полномъ взаимномъ расположеніи и довѣри, когда руководители дорожатъ только истиной, спокойно выслушиваютъ правду, считаются съ замѣчаніями, критикой и даже формальнымъ протестомъ, а не руководятся только своими личными желаніями, капризомъ и произволомъ.

Этихъ необходимыхъ качествъ въ Никонѣ не было и въ поминѣ, да и „реформа“ его отнюдь не была вызвана дѣйствительнымъ прогрессомъ теоретической церковной мысли или умственными запросами народа, а была навѣяна случайностью, и потому знаменовала собою рѣзкій переломъ и отклоненіе въ сторону отъ прежняго пути, протореннаго вѣками исторической жизни церкви. Забывъ, что главная сила церкви есть полноправный народъ, Никонъ, по примѣру римскому, смотрѣлъ на него, какъ на „быдло“, на безсловесное стадо, „не смѣющее свое сужденіе имѣть“, но обязанное безусловно, слѣпо, рабски повиноваться его, „Великаго Государя“ и „непогрѣшимаго владыки“, желаніямъ. Интересы народа-церкви, его душа и совѣсть имъ не принимались во вниманіе, и даже самаго понятія правъ народа на голосъ и контроль въ дѣлахъ вѣры и церкви онъ не допускалъ.

Роль грековъ въ Никоновской „реформѣ“.

Съ самаго начала Никонъ былъ окруженъ греками и кievскими учеными монахами, которые сумѣли подчинить его

своему вліянію и задумали сдѣлать орудіемъ своихъ интригъ, своекорыстныхъ продѣлокъ и наживы. Видя въ немъ такого сильнаго и вліятельнаго и въ то же время недальновиднаго человека, они рѣшили при его содѣйствіи занять видные посты въ русской церкви, главнымъ образомъ занявъ видные богослужебныхъ книгъ, если же произойдутъ безпорядки и смута въ церкви, такъ какъ Никономъ всѣ недовольны, то низринуть его самого, явиться судьями надъ нимъ и русской церковью, авторитетными и всезнающими вершителями ея судебъ и навсегда подчинить ее своей власти и вліянію. Этотъ ловко-задуманный планъ имъ и удалось выполнить почти цѣликомъ, до мелочей.

Еще будучи Новоспаскимъ архимандритомъ, Никонъ близко сошелся съ разными греками, часто пріѣзжавшими въ Москву за милостыней и заискивавшими предъ всемогущимъ и вліятельнымъ царскимъ любимцемъ. Сближеніе съ греками не прошло для Никона безслѣдно. Все это были бродячіе облатинившіеся интриганы, клеветники, льстецы, лживые, продажные, корыстолюбивые, завистливые и ловкіе проходимцы, въ интересахъ наживы готовые торговать всѣмъ: и знаніями, и совѣстью, и вѣрой,—словомъ за деньги, за лишнюю шкурку соболя готовые отдать все самое святое и завѣтное, итти, если это выгодно, даже въ магометанство. Льстивые, угодливые, хитрые, лукавые и пронырливые, воспользовавшись расположеніемъ къ себѣ Никона, они ловко и умѣло возбуждаютъ въ немъ влеченіе ко всему греческому, а потомъ начинаютъ „зазирать“ ему русскіе церковные чины и обряды, не сходные съ современными греческими, какъ неправильные и еретическіе, искаженные русскимъ „невѣжествомъ“ и „глупостью“, и внушаютъ немедленно произвести ихъ „исправленіе“, лстя ему, что у него хватить силъ, власти и умѣнья осуществить такое дѣло. Самъ Никонъ не скрываетъ этого вліянія грековъ, говоря: „Зазираху иногда нашему смиренію, мнѣ Никону патриарху, приходящи къ намъ въ царствующій градъ Москву, потребъ своихъ ради, святыя восточныя церкви святѣйшии вселенстнн патриархи... и прочіи: и поношаху ми много въ неисправленіи божественнаго писанія и о прочихъ церковныхъ винахъ“.

Въ результатѣ этихъ „зазираний“ и „поношеній“ явилось то, что Никонъ въ своемъ грекофильствѣ дошелъ до такой крайности, что открыто заявлялъ: „Хотя я и русскій и сынъ русскаго, но вѣра моя и убѣжденія греческія“. Для него все цѣнное было теперь только у грековъ, а русская

церковная старина заслуживала только осужденія и прездѣнія.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ къ этому времени у сарма-михъ грековъ были испорчены церковныя книги, извращены церковныя чины и обряды, и грозила серьезная опасность искаженія самой сущности православнаго ученія и привнесенія въ него чуждыхъ еретическихъ мыслей. Сами восточныя іерархи постоянно утверждали русскимъ, что „православие повсюду на Востокѣ ратуемо иноплемненными врагами“, что восточные христіане „едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою“, такъ какъ ее „зловѣрные тщатся истребить“. И дѣйствительно, все подверждало эти грустныя заявленія. Послѣ завоеванія турками Константинополя школъ у грековъ или совсѣмъ почти не было, или онѣ были очень плохи. Всѣ греки, желавшіе получить серьезное образованіе, поневолѣ должны были отречься отъ православія и учиться на Западѣ, въ латинскихъ и протестанскихъ школахъ, подъ руководствомъ іезуитовъ, а затѣмъ разносили привитыя имъ латинскія мнѣнія среди грековъ на Востокѣ, занимая мѣста учителей, священниковъ-проповѣдниковъ и архіереевъ. Папа Григорій XIII въ концѣ XVI столѣтія устроилъ для этой цѣли специальную коллегію для грековъ въ Римѣ, въ которой, между прочимъ, воспитывались Арсеній—грекъ, Паисій Лигаридъ, главные дѣятели Никоновской реформы. Кромѣ этого, греки не имѣли своей типографіи и вынуждены были печатать свои книги тоже на Западѣ, въ Римѣ, Венеціи и Парижѣ, въ латинскихъ типографіяхъ, гдѣ эти книги проходили предварительно чрезъ руки и цензуру отцовъ іезуитовъ. Патриархъ константинопольскій Кирилль Лукарій хотѣлъ было устроить свою типографію въ Константинополѣ, но по прояскамъ іезуитовъ это не удалось. При печатаніи греческихъ книгъ іезуиты намѣренно вносили въ нихъ свои ереси, а также искаженія и даже подлоги, говорили въ пользу латинянъ. Обо всемъ этомъ русскіе узнавали постоянно отъ самихъ грековъ и ихъ іерарховъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Такъ, на примѣръ, Палеопатрскій митрополитъ Теофанъ, посланный въ Москву константинопольскимъ патриархомъ и соборомъ, въ поданной царю въ 1645 году челобитной заявляетъ: „Буди вѣдомо, державный царю, что велие есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ, и боренія отъ еретиковъ, понеже имѣютъ папежи и акторы греческую печать и печатаютъ повседневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ

— 7 —
лютое зеліе — поганую свою ересь. И клепятъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть недостаточно, потому что нынѣ есть древнія книги отецъ въ монастырѣхъ во святой горѣ Аѳонской и въ иныхъ древнихъ монастырѣхъ и по тѣмъ бібліямъ и книгамъ является ихъ лукавство. По семъ нынѣ они, которыя книги печатали и составили, по своему обычаю и вымыслу, тѣми же книгами они борются во странахъ, а гдѣ древнихъ біблій нѣтъ, и опоясаются оружіемъ нашимъ и являются они мужественны и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинится, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Цареградѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Цареградѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею злою... И смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ, и надѣются, что такое есть составленіе святыхъ отецъ, и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ.“ Далѣе митрополитъ Теофанъ убѣждаетъ царя завести въ Москвѣ греческую типографію, и тогда „гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ“, ибо только здѣсь книги будутъ печатать и переводить „прямо, подлинно и благочестиво“.

Изъ этого откровеннаго и торжественнаго признанія официальнаго греческаго посла явствовало, что довѣрять новопечатнымъ греческимъ книгамъ отнюдь нельзя, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ расходятся съ русскими книгами, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ русскую церковь тоже проникнетъ незамѣтно „лютое зеліе, поганая ересь папежей и люторей“.

Начиная съ конца XVI вѣка русскіе постоянно имѣли изъ разныхъ рукъ подробныя и обстоятельныя извѣстія и вообще о состояніи православія и церковной жизни у грековъ. Разныя агенты московскаго правительства, равно и такіе достовѣрные и не подлежащіе сомнѣнію свидѣтели, какъ сами восточные патриархи и архіереи, чуть не ежедневно приносили мрачныя вѣсти, что въ греческихъ церквахъ процвѣтаютъ всевозможные пороки и неправды, безнравственность іерарховъ, интриги, подкупы и преступления, и зло до того развѣло греческую церковную жизнь, что іерархи изъ-за соперничества не брезгаютъ и убійствомъ, лишь бы убрать съ дороги противника. Въ результатѣ всего этого русскіе даже внесли въ архіерейскую присягу обязательство не принимать на Руси поставленныхъ въ Кон-

— 9 —
стагиполѣ, безъ предварительной отдачи ихъ „подъ началь“.

Послѣ всего этого брать порядки греческой церкви за образецъ, исправлять и перекраивать русскую церковную жизнь по образцу греческой, а книги русскія приводить въ согласіе съ новопечатными греческими книгами, наполненными латинской закваской, какъ и сдѣлалъ Никонъ, знаменитое — пересаживать на русскую православную здоровую почву страшные внутренніе недуги и язвы греческой церкви, приведшія ее на край пропасти.

Особенно дѣлать это было неразумно послѣ того, какъ Арсеній Сухановъ, полномочный русскій экспертъ, отправленный на Востокъ, чтобы, путемъ личныхъ наблюденій на мѣстѣ, окончательно рѣшить всѣ сомнѣнія относительно греческаго православія, рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ всѣ прежнія извѣстія о паденіи благочестія у грековъ, даже въ болѣе мрачныхъ краскахъ.

Главный сподвижникъ Никона Арсеній-грекъ.

Если таково было въ то время состояніе вообще церковной жизни на Востокѣ, то что же сказать о тѣхъ совершенно облатинившихся грекахъ-бродягахъ, интриганахъ и корыстолюбцахъ, во множествѣ окружавшихъ Никона, которые совмѣстно съ латинумудрствующими кievскими учеными монахами смутили Никона предпринять церковную реформу, каковой сами же были исполнителями.

Чтобы яснѣе понять, что это были за люди, достаточно обратиться лишь къ одному изъ нихъ — Арсенію-греку, который былъ главнымъ справщикомъ, такъ-сказать, цензоромъ Никоновскаго „исправления“ книгъ.

Изъ слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи-грекѣ видно, что онъ воспитывался въ вышеупомянутой иезуитской коллегіи для грековъ, учрежденной папой Григоріемъ XIII въ Римѣ, гдѣ сдѣлался латинщикомъ-уніатомъ, почему, по возвращеніи Арсенія въ Константинополь, его родной братъ архимандритъ Аванасій отказался постричь его въ иноки! Тогда Арсеній торжественно проклялъ латинство и присоединился къ восточной церкви. Но скоро Арсеній совсѣмъ отрекся отъ христіанства и перешелъ въ магометанскую вѣру. Впослѣдствіи Арсеній оставилъ Константинополь и переселился въ Валахію, а затѣмъ въ Молдавію, гдѣ, попавши въ среду по-

слѣдователей восточной церкви, снова изъ матеріальныхъ расчетовъ дѣлается православнымъ христіаниномъ. Затѣмъ онъ перекочевываетъ въ г. Львовъ, гдѣ опять дѣлается уніатомъ. Потомъ ѣдетъ въ Варшаву, гдѣ пристраивается придворѣ польскаго короля, который для прививки латинства посылаетъ его учителемъ въ кievскую православную коллегію. Послѣ всего этого Арсеній пріѣзжаетъ въ Москву, гдѣ снова прикидывается строго православнымъ. Но здѣсь удача о немъ справки. Между прочимъ, іерусалимскій патриархъ очень опасномъ для православія, и совѣтуетъ поскорѣе убрать его съ русской православной нивы, какъ зловредный тернъ, дабы не произошло отъ него какого-либо „церковнаго разврата“. Послѣ справокъ и наблюденій московское правительство открыто обличило Арсенія въ ереси и сослало въ Соловецкій монастырь „подъ началь“, „для исправленія его православныя христіанскія вѣры“, такъ какъ онъ „своимъ еретическимъ вымысломъ хотѣлъ и въ Московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввести и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плевелы всѣять“.

Ясно, что Арсеній-грекъ былъ человѣкомъ безъ вѣры и совѣсти, которую искалѣчило у него воспитаніе иезуитовъ, если изъ расчетовъ онъ постоянно мѣнялъ вѣру, словно грязное бѣлье; попалъ въ среду католиковъ, дѣлался латинщикомъ, очутился среди мусульманъ, обрѣзывался въ магометанство, пристраивался около восточныхъ грековъ, присоединялся къ восточной церкви, а когда попалъ на Соловки „подъ началь“, — притворно выхвалялъ русское благочестіе и поносилъ греческую вѣру.

Таковы были почти всѣ поголовно тогдашніе греки, то и дѣло пріѣзжавшіе въ Москву попрошайничать, яко бы на нужды страдающей подъ турецкимъ ярмомъ греческой церкви, а на самомъ дѣлѣ эксплуатировавшіе довѣрчивость и доброту русскихъ, а ихъ пожертвованія полагавшіе въ свой карманъ. Часто это были самозванцы, запрещенные или совсѣмъ лишенные сана архіереи, выдававшіе себя за настоящихъ архіепископовъ и митрополитовъ, поддѣлывая для большей достовѣрности патриаршія подписи и печати. Люди безъ совѣсти и убѣжденій, продажные, готовые на все изъ-за золотого тельца или выгоды, обуреваемые грубымъ эгоизмомъ, нечистыми пожеланіями и стремленіемъ вездѣ играть видную

руководящую роль, они беспокойно бродили по бѣлу-свѣту, торгуя нездѣ и вѣрой, и знаніями, и своими услугами, лишь бы хорошо платили. Таковъ былъ, какъ мы видѣли, и Арсеній-грекъ. И вотъ этого самаго человѣка Никонъ, во время своей поѣздки въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, привезъ съ собою въ Москву и сдѣлалъ главнымъ справщикомъ церковно-богослужебныхъ книгъ, хотя и послѣ этого официально онъ оставался „подъ началомъ“ еще болѣе десяти лѣтъ, какъ показываетъ поданная имъ въ 1666 году челобитная царю, гдѣ говорится: „Сосланъ-де онъ въ Соловецкій монастырь и по правиламъ святыхъ отецъ урочные лѣта въ запрещеніи ему прошли по второму помѣстному собору, и Государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ-подъ начала свободить и быти въ монастырѣ, гдѣ Государь укажетъ“.

Чего же было отъ такого человѣка ожидать добраго и полезнаго? Могъ ли онъ честно и добросовѣстно выполнить такое важное дѣло, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ? И разумно ли было поручать исправленіе богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ не только человѣку, пропитанному латинствомъ, но, судя по всему, и совсѣмъ невѣрующему, который самъ находился „подъ началомъ“, „для исправленія его христіанскія православныя вѣры“. Слишкомъ ужъ ясная и безспорная несообразность!

Характеръ Никоновскихъ „исправленій“.

Возненавидѣвъ русское благочестіе и старину и рѣшивъ перемѣнить православныя древнія преданія на новогреческія, въ большинствѣ позаимствованныя отъ латинянъ, Никонъ поручилъ исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ названному Арсенію-греку. Въ первую очередь былъ „исправленъ“ служебникъ, а затѣмъ и нѣкоторыя другія книги. Основнымъ руководящимъ принципомъ этихъ „исправленій“ Арсенія-грека, само собою понятно, была одна лишь слѣпая ненависть ко всему старому и русскому. „Печатай, Арсень, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому“, такъ удачно, мѣтко и вѣрно высмѣивали современники Никоновскія „исправленія“.

До недавняго времени защитники Никоновской реформы упорно утверждали, что исправленіе книгъ при Никонѣ производилось съ древнихъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ и даже пергаментныхъ книгъ и рукописей, во

множествѣ собранныхъ по Россіи и на Востокѣ Арсеніемъ Сухановымъ. Но вѣдь ничего не можетъ быть на свѣтѣ тайническая повѣрка и историческая наука документальнымъ образомъ раскрыли ложность и неосновательность подобныхъ утвержденій, показавъ, что Никонъ исправлялъ книги по современному себѣ чину греческой церкви и по современнымъ себѣ греческимъ книгамъ, печатаннымъ въ латинскихъ типографіяхъ, такъ какъ изъ 500 рукописей, приведенныхъ для исправленія по нимъ богослужебныхъ книгъ, да и онѣ были отложены въ сторону, такъ какъ Арсенію-греку новыя печатныя оригиналы, вышедшіе изъ рукъ іезуитовъ, ибо и самъ онъ былъ ихъ воспитанникъ. Ученые изслѣдователи нашли даже и подлинникъ, по которому исправлялся въ 1655 году служебникъ при Никонѣ; этотъ подлинникъ—греческій эвхологій (служебникъ), напечатанный въ 1602 году въ Венеціи, сохраняющійся въ бібліотекѣ Московской синодальной типографіи.

Нельзя обойти молчаніемъ и того важнаго обстоятельства, что нѣкоторые историки, особенно миссіонерствующіе „историки“, стремясь всегда изображать ненавистный имъ „расколъ“ лишь во всемъ „обличаемый своей исторіей“, опредѣляютъ такой исключительной важности и серьезности моментъ русской исторіи весьма легко и просто, считая старообрядчество плодомъ крайняго невѣжества, личной злобы и недобросовѣстности кучки лицъ, будто бы состоявшихъ при патріархѣ Іосифѣ справщиками книгъ на печатномъ дворѣ, которые внесли-де въ русскія книги всѣ особенности, отличавшія ихъ отъ греческихъ, какъ двуперстіе, двоеніе алилуи и т. под. Никонъ за такую порчу книгъ ихъ отставилъ, и они изъ мести произвели возмущеніе народа. Эти отставленные справщики книгъ, по утверженію такого сорта „историковъ“, были протопопы Стефанъ Волифатьевъ, Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Даниль, Никита, Логинъ, Лазарь и другіе. Но совершенная несообразность и невозможность этого доказывается простой хронологической справкой: исправленные патріархомъ Іосифомъ книги были напечатаны еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, когда ни одного изъ названныхъ лицъ и въ Москвѣ совсѣмъ не было: Нероновъ появился въ Москвѣ никакъ не ранѣе

1646—1647 года. Аввакумъ—въ послѣдніе дни жизни патриарха Іосифа, а Логгинъ и Лазарь—уже при Никонѣ.

Въ своей реформаторской дѣятельности Никонъ не ограничился только приведеніемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ и чиновъ въ полное соотвѣтствіе съ современными греческими. Въ своемъ неукротимомъ честолюбіи, неразборчивой любви къ блеску, неразумномъ и пустомъ копированіи всего греческаго и стремленіи неограниченно и безапелляціонно властвовать надъ церковью, онъ идетъ дальше. Онъ ни съ чѣмъ не считается. Въ дѣлахъ и вопросахъ вѣры, которые требуютъ особеннаго вниманія и осторожности, онъ поступаетъ, какъ младенецъ, или какъ человекъ легкомысленный и совершенно ослѣпленный. Приглянулся ему греческій клобукъ, шедшій къ его лицу, и онъ мѣняетъ русскій клобукъ на греческій, прибѣгнувъ для этого къ обману царя и возбудивъ народное неудовольствіе. Его обезьянничанью нѣтъ границъ. Онъ заводитъ греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ „со змѣями“, греческія мантии и широкіе „мѣхообразные“ рукава, греческіе напѣвы, приглашаетъ греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строитъ монастыри по образцу греческихъ и даетъ имъ греческія названія, приближаетъ къ себѣ безъ разбора всѣхъ грековъ, слушаетъ только ихъ, дѣйствуетъ во всемъ по ихъ указаніямъ, вездѣ выдвигаетъ на первое мѣсто греческій авторитетъ, отдавая ему во всемъ превосходство передъ русскою стариною, передъ русскими, доселѣ всѣми почитавшимися и общепризнанными авторитетами. Даже одного простого указанія, подсказа какого-либо случайнаго греческаго іерарха—милостыне-собирателя или просто заѣзжаго греческаго авантюриста было вполне достаточно для Никона, чтобы коверкать родную церковную старину на современный греческій ладъ.

Такимъ образомъ, и самая личность Никона съ его отрицательными качествами и отталкивающими чертами характера, и его соратники и сотрудники по реформѣ церкви — праздношатающіеся греки, воспитанники іезуитовъ, облатившіеся до мозга костей, люди нечестные, грязные и корыстолюбивые, люди безъ вѣры и совѣсти,—и самые способы и приемы никоновской реформы — все это шло въ разрѣзъ съ истинно-церковнымъ взглядомъ на всякое церковное дѣло, а тѣмъ болѣе исправленіе. Поэтому весьма понятны и естественны та напряженная боязнь и подозрительность, та болезненная нервность, тотъ неподдѣльный страхъ и ужасъ,

то сильное негодованіе и ропотъ, которыми лучшая, большая и наиболѣе мыслящая и сознательная часть православниконовскую грекофильскую реформу, надругавшуюся надъ исторической жизнью русской церкви и надъ здравымъ смысломъ и имѣвшую своей цѣлью унижить все русское, хотя бы и хорошее, и подчинить русскую церковь игу греческой обрядности и руководительству грековъ, заставивъ русскихъ, по первому слову какого-нибудь греческаго проходимца, безбожника и афериста, слѣдовать слѣпо, рабски и безусловно за каждымъ капризнымъ, самовольнымъ измѣненіемъ и искаженіемъ греками своихъ чиновъ и обрядовъ. И хотя народъ ясно чувствовалъ и понималъ, что въ такой реформѣ не было никакой нужды, что никоновская ломка, во что бы то ни стало, всего своего родного во имя торжества всего чужого, иноземнаго, латинскаго—есть просто результатъ корыстныхъ происковъ грековъ и капризнаго самодурства недалекаго и увлекающагося Никона, тѣмъ не менѣе реформаторы рѣшили силою сломить всякое противодѣйствіе или замѣчаніе и насиліемъ, страшными клятвами и „тѣлесными озлобленіями“, или „градскимъ закономъ и казненіемъ“ утвердить свое грѣховное дѣло.

Раздѣленіе русской православной церкви.

Первое рѣшительное и открытое столкновеніе между защитниками старины и Никономъ произошло вслѣдствіе слѣдующаго распоряженія, которое, подъ влияніемъ грековъ-совѣтниковъ, Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ предъ наступленіемъ великаго поста 1653 года: „По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы есте крестились“.

Такое неожиданное и притомъ единоличное, ничѣмъ не мотивированное распоряженіе патриарха, покушавшееся измѣнить старый церковный чинъ и обрядъ, крайне смутило благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ благоговѣйной преданности существующимъ церковнымъ чинамъ и преданіямъ, тѣмъ болѣе, что относительно крестнаго знаменія существовало категорическое и вполне ясное опредѣленіе „стоглаваго собора“: „Иже не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ“.

Распоряженіе это поставило народъ въ тяжелое, двусмысленное положеніе: подчиниться распоряженію—значить, подвергнуть себя клятвѣ собора, на которомъ были іерархи, признанные русскою церковью святыми; остаться вѣрнымъ соборному постановленію—значить, послушаться грознаго патріарха. — „Мы задумались“, — говоритъ протопопъ Аввакумъ, — „сошедшеся между собою, видимъ, яко зима хоцеть быти: сердце озябло, и ноги задрожали“.

Кружокъ ревнителей церкви изъ духовенства подаетъ патріарху письменный протестъ противъ его распоряженія, съ выписками изъ отеческихъ книгъ.

Но, начиная такимъ мирнымъ, строго обдуманномъ путемъ свое дѣло, защитники старины ошиблись въ расчетахъ. На ихъ протестъ не обратили никакого вниманія.

Въ слѣдующемъ 1654 году, желая показать видъ, что онъ дѣлаетъ дѣло не самовольно, а съ согласія всѣхъ епископовъ, Никонъ собираетъ соборъ и принуждаетъ епископовъ подписать свое предложеніе объ исправленіи книгъ, при чемъ не обошлось и безъ обмана. Никонъ заявилъ, что книги будутъ правиться по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ исправленіе было произведено по современному ему греческимъ книгамъ, печатаннымъ іезуитами въ Римѣ, Венеціи и др. городахъ.

Началъ было на соборѣ возражать относительно поклоновъ епископъ Павелъ Коломенскій, но тутъ же жестоко за это поплатился. Никонъ разразился надъ несчастнымъ епископомъ страшною карою: низвергъ его, сорвалъ съ него мантию, предаль его жестокому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе, гдѣ Павелъ впоследствии, по приказанію Никона, былъ убитъ, и тѣло его сожжено.

Въ слѣдующемъ 1655 году „исправленный“ служебникъ былъ уже напечатанъ.

Исправленіе книгъ продолжалось.

Чтобы судить о технической сторонѣ этого quasi—исправления, о томъ, велики ли были его достоинства, достаточно указать на слѣдующій фактъ. При сравненіи текста литургій: старопечатнаго, исправленнаго Никономъ, и греческаго, которое сдѣлано было по предложенію Платона, архіепископа старопечатнаго, исправленнаго Никономъ, и греческаго, которое сдѣлано было по предложенію Платона, архіепископа кievскаго, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, оказалось: изъ 340 параграфовъ—230 указываютъ на погрѣшности служебника исправленнаго и только 30—на погрѣшности старопечатнаго, 45—на общія обоимъ служебникамъ. Разсмотрѣны были литургіи Іоанна Златоустаго и Василія Великаго.

Еще лучше характеризуютъ техническія достоинства никоновскихъ „исправленій“ богослужебныхъ книгъ нѣсколько слѣдующихъ образчиковъ этихъ исправленій, взятыхъ наудачу.

Въ старыхъ книгахъ: книги Левитъ, гл. 24, ст. 16: „Проклинаяй же имя Господне, смертію да умретъ... аще туземецъ, или пришлецъ, егда проклянетъ имя Господне, да умретъ“. Въ новыхъ—вмѣсто „проклинаяй“ напечатано—„нарицай“ имя Господне, смертію да умретъ... аще туземецъ, или пришлецъ наречетъ имя Господне, да умретъ“.

Въ стар. въ посланіи Колоссаемъ апостола Павла, гл. 2, ст. 13 (Зач. 255): „И вась мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи плоти вашей сооживиль есть съ нимъ, отмывъ намъ вся прегрѣшенія“. Въ нов. вмѣсто „отмывъ“ напечатано: „даровавъ намъ вся прегрѣшенія“.

Въ стар.—чинъ крещенія, въ молитвѣ: „Запрещаетъ ти, діаволе, Господь нашъ Ісусъ Христосъ пришедый въ міръ и вселивыйся въ челоуѣцѣхъ“. Въ нов.—„Запрещаетъ тебѣ Господь діаволе, пришедый въ міръ и вселивыйся въ челоуѣцѣхъ“.

Въ стар.—въ томъ же чинѣ, въ молитвѣ: „Велій еси Господи“ есть такое молитвенное обращеніе: „Молимся тебѣ, Господи, ниже да снидетъ съ крещающимся духъ лукавый“. Въ нов.—„Ниже да снидетъ съ крещающимся молимся тебѣ, духъ лукавый“.

Въ стар.—въ томъ же чинѣ крещенія: „И вообрази Христа твоего въ хотящемъ породитися святымъ крещеніемъ отъ моего недостойства“. Въ нов.—„хотящаго породитися моимъ окаянствомъ“.

Въ стар.—тамъ же, въ отрицаніи, говорится: „Отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всея службы его и всѣхъ аггелъ его и всего студа его“. Въ нов.—вмѣсто „студа его“ напечатано „и всея славы его“.

Въ стар.—въ ирмосѣ 4-й пѣсни говорится: „прииде Ісусъ Пребожественный отъ Пречистыя Дѣвы“. Въ нов.—„прииде Ісусъ нетлѣнной дланію“.

Въ стар.—въ стихирахъ „на Господи воззвахъ“, на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, говорится: „не познахъ бо мужа, браку есмь не причастна“. Въ нов.—вмѣсто: „не познахъ бо мужа“, — „не познахъ бо сласти“.

Въ стар.—въ Октаѣ 3-го гласа, въ среду на утрени, въ пѣсни 5-й канона, говорится: „жертвы идольскія угасиль еси“.

— 16 —
всесильне“. *Въ нов.* — „жертвы идольскія уставилъ еси все-
сильне“.

Въ стар. — въ чинѣ елеосвященія и освященія церкви
говорится: „пріемъ архіерей (и іерей) сучецъ“. *Въ нов.* —
„пріемъ архіерей (и іерей) струецъ“.

Въ стар. — въ канонѣ 8-й пѣсни 6-го гласа въ недѣлю на
утрени, въ ирмосѣ „Изъ пламени святымъ“ говорится: „а
праведнаго жертву и воду попали“. *Въ нов.* — „а праведнаго
жертву водою попалиль“.

Въ стар. — въ чинѣ освященія воды, на Богоявленіе въ
ектении говорится: „о еже быти водѣ сей, приводящей въ
жизнь вѣчную“. *Въ нов.* — „о еже быти водѣ сей, скачущей
въ жизнь вѣчную“.

Въ старыхъ — въ задостойникѣ на Рождество Христово
говорится: „Подобаше убо намъ, яко безъ бѣды, страхомъ,
удобъ молчати...“ *Въ новыхъ.* — „Любити убо намъ еже безбѣд-
ное страхомъ удобѣе молчати (?!)...“ И т. д., и т. п.

Въ самый разгаръ никоновскаго книжнаго исправленія
и борьбы изъ-за него, въ томъ же 1655 году, прибыли въ
Москву сербскій патріархъ Гавріиль и антиохійскій Макарій,
которые и помогли Никону въ его „реформированіи“ церкви.

„Въ 1656 году, 12 февраля, — говоритъ историкъ м. Ма-
карій, — въ день памяти святого Мелетія Антиохійскаго, а
вмѣстѣ и святителя московскаго Алексія, въ Чудовѣ мона-
стырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой при-
сутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патрі-
архи съ другими архіереями и множество народа. Когда въ
положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога,
въ поученіе православнымъ, извѣстное сказаніе о святомъ Ме-
летіи Антиохійскомъ... тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ
патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе? И Макарій
возгласилъ: „Мужіе всего православія, слышите: азъ преем-
никъ и наслѣдникъ святого Мелетія престола, вамъ извѣ-
стно, яко сей святой Мелетій три первые персты разлучены
показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть;
тыя же паки три соедини, ими же и знаменіе показа. И аще
кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не
изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ
великимъ пальцемъ да два великосреднія простерта имѣти,
и тѣми образъ креста изображати, таковой арменоподража-
тель есть...“

„Прошло еще двѣнадцать дней; настала недѣля Право-
славія (24 февраля). Собрались въ Успенскій соборъ на тор-

жество всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи съ знатнѣй-
шимъ духовенствомъ, царь со всѣмъ своимъ синклитомъ и
безчисленное множество народа.

„Въ то время, когда начался обрядъ Православія, и цер-
ковъ, ублажая своихъ вѣрныхъ чадъ, изрекала проклятіе
сопротивнымъ, два патріарха, антиохійскій Макарій и сербскій
Гавріиль, и митрополитъ никейскій Григорій стали передъ
царемъ и его синклитомъ, передъ всѣмъ освященнымъ со-
боромъ и народомъ, и Макарій, сложивъ три первые великіе
перста въ образъ святыя Троицы и показывая ихъ, воскли-
кнулъ: „Сими тремя первыми великими персты всякому пра-
вославному христіанину подобаеъ изображати на лицѣ своемъ
крестное изображеніе; а еже кто по Феодоритову писанію и
ложному преданію творитъ, той проклятъ есть“. То же про-
клятіе повторили вслѣдъ за Макаріемъ сербскій патріархъ
Гавріиль и никейскій митрополитъ Григорій... И можно пред-
ставить, какъ должна была подѣйствовать эта анаема на
православныхъ, произнесенная въ самое торжество право-
славія.

„Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Москву молдавскій ми-
трополитъ Гедеонъ. И въ Москвѣ, вмѣсто трехъ, было уже
четыре восточныхъ святителя. Никонъ рѣшилъ обратиться
ко всѣмъ имъ разомъ съ письменнымъ посланіемъ отъ лица
своего и другихъ русскихъ архіереевъ, и указывая на то,
что въ Москвѣ „нѣщии воздвизаютъ прю“ относительно сло-
женія перстовъ для крестнаго знаменія, и одни крестятся
тремя перстами десницы, а другіе — двумя, умолялъ (?) этихъ
святителей возвѣститъ, гдѣ истина и какъ слѣдуетъ кре-
ститься“.

Макарій и другіе пріѣзжіе съ Востока архіереи на во-
просъ Никона дали слѣдующій знаменательный отвѣтъ: „Пре-
даніе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостолъ и
святыхъ отецъ и святыхъ седми соборовъ творити знаменіе
честнаго креста съ тремя первыми персты десныя руки, и
кто отъ православныхъ христіанъ не творитъ крестъ тако,
по преданію восточной церкви, еже держа съ начала вѣры
даже доднесь, есть еретикъ и подражатель арменовъ и сего
ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Святаго Духа
и проклята: и за извѣщеніе истины подписахъ своею рукою:
Макарій милостіею Божіею патріархъ великаго Божія града
Антиохіи и всего Востока. Гавріиль Божіею милостіею архи-
епископъ пеккскій и патріархъ сербскій. Вышереченная тако
исповѣдую, и тако свидѣтельствую, и тако держу. И аще

кто не вѣруетъ, и вышереченная не держитъ, да будетъ проклятъ, того ради руку приложихъ. Смиранный митрополитъ Никейскій Григорій пречестный (sic!) и экзархъ всея Визоніи, вышписанная тако исповѣдаю, тако проповѣдую и тако держу, и кто не держитъ тако, да имать клятвы святыхъ трехсотъ и осьминадесяти богоносныхъ отецъ, въ Никей собравшихся (?), и прочихъ святыхъ соборовъ и да будетъ проклятъ, и за извѣщеніе истины подписахъ своею рукою. Гедеонъ Божіею милостіею архіепископъ и митрополитъ сулавскій и всея земли молдавскія, вышереченная тако исповѣдаю, и тако свидѣтельствую, и тако держу, и аще кто не вѣруетъ и вышереченная не держитъ, да будетъ проклятъ, того ради руку приложихъ“.

„Это отвѣтное посланіе четырехъ святителей вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ къ нимъ Никонъ немедленно велѣлъ напечатать и помѣстить въ качествѣ приложения къ книгѣ „Скрижалъ“.

„Когда, такимъ образомъ, — продолжаетъ м. Макарій, — восточные патріархи, находившіеся въ Москвѣ, изрекли свой приговоръ на крестящихся двумя перстами, не только устно, въ недѣлю Православія, но и письменно, Никонъ счелъ благовременнымъ созвать на соборъ своихъ русскихъ архіереевъ, чтобы и они постановили рѣшеніе по тому же вопросу. Соборъ состоялся 23 апрѣля 1656 года... Присутствовали на соборѣ, кромѣ патріарха, три митрополита, четыре архіепископа, одинъ епископъ, двадцать два архимандрита, семь игуменовъ, одинъ строитель и одинъ намѣстникъ. Никонъ открылъ засѣданія собора довольно обширною рѣчью. Сказавъ сначала, какъ зазирали и поносили его приходившіе въ Москву восточные святители за разныя неисправности въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, въ томъ числѣ и за употребленіе двоеперстія въ крестномъ знаменіи, какъ приступилъ онъ къ исправленію книгъ, Никонъ объявилъ, что онъ уже исправилъ нѣкоторыя церковныя книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ перевести и напечатать съ нужными приложениями и книгу „Скрижалъ“, представляемую имъ теперь на разсмотрѣніе собора. Въ особенности обратилъ Никонъ вниманіе отцовъ собора въ своей рѣчи на ученіе о двуперстіи и объяснялъ, что соединеніемъ, по Ѳеодоритовому писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо исповѣдуются таинство Пресвятыя Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуются таинство воплощенія; напомнилъ... какъ изрекли въ недѣлю Пра-

вославія проклятіе на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и какъ то же проклятіе повторили они вмѣстѣ съ молдавскимъ митрополитомъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, и предложилъ собору русскихъ святителей и духовенства сказать свое слово о томъ же предметѣ. Присутствовавшіе на соборѣ занялись сначала свидѣтельствомъ великимъ прилежаніемъ всяку вещь и всяко слово сорочну“, но „и достойну всякой похвалы и удивленія, и много благодарили Бога за такое безцѣнное (!?) сокровище“. За статьяхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ „Скрижалъ“... вѣдый, не повинится слѣдующее правило: „Аще кто отселѣ, своимъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть (?!)... еже трети первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святыя и единосущныя и нераздѣлимыя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сіе неприятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъ же неравенство святыя Троицы извѣщается (?), и два великосредня простерта суша, въ нихъ же заключати два сына и два состава, по несторіевѣ ереси (sic!), или инако изображати крестъ: сего имама... всячески отлучена отъ церкви, вкупѣ и съ писаніемъ Ѳеодоритовымъ... проклинаемъ и мы“. Это правило свое, равно какъ и всю книгу „Скрижалъ“ съ приложениями, всѣ находившіеся на соборѣ скрѣпили своими подписями 2 іюня 1656 года.

Тѣмъ временемъ исправленіе книгъ облатинившимися греками продолжалось, несмотря ни на какіе протесты и недовольство народное. Русскіе благочестивые люди теперь уже не „задумывались“, а прямо ужасались, смотря на происходившее кругомъ нихъ нѣчто такое, съ чѣмъ никакъ не могъ мириться ни умъ, ни совѣсть вѣрующаго человека. Они теперь ощутительно почувяли, что „зима“, въ видѣ депотизма, насилія, жестокой свирѣпости, лжи, обмана и безумныхъ клятвъ, сыплющихся какъ изъ рога изобилія на головы православнаго народа, дѣйствительно наступала, и „зима“ суровая.

При такомъ положеніи дѣла русскимъ православнымъ людямъ, которыхъ безразсудно проклинали за одно двуперстіе, проклинали только за то, что они хотѣли сохранить вѣрность унаслѣдованному отъ благочестивыхъ предковъ

преданіямъ, неизмѣнность которыхъ была ограждена клятвою св. отцовъ и соборовъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ отдѣлиться отъ такихъ пастырей, которые, по словамъ пророка, „пасли себя, а не народъ“, которые высказывали такіе перлы „краснорѣчія“, „правдивости“, „велемудрія“ и „благоразумія“, какъ вышеприведенные.

Такимъ образомъ образовалось два враждебныхъ стана, — русская церковь раздѣлилась на старообрядцевъ и новообрядцевъ.

Народный протестъ во имя старой вѣры былъ встрѣченъ страшными репрессіями и жестокостями со стороны высшей духовной власти и правительства. Всѣ выдающіяся лица, несогласныя одобрить новизны, были похвачаны и разсажены по тюрьмамъ или угнаны въ далекую ссылку. Начались гоненія, началась страшная и ужасная въ исторіи русскаго народа полоса, испещренная языками пламени, обрызганная слезами и кровью мучениковъ и страдальцевъ за вѣру.

Боярыня Морозова, одна изъ пострадавшихъ за старую вѣру.

Страшныя гоненія, воздвигнутыя противъ приверженцевъ старины, нашли свои жертвы не только въ средѣ духовенства и простого народа, но и въ средѣ высшей знати того времени. Отъ нихъ пострадали, между прочими, боярыня Феодосія Морозова и сестра ея княгиня Евдокія Урусова. Эти двѣ великія и сильныя духомъ женщины открыто исповѣдали свое желаніе держаться древности и для нея рѣшили пожертвовать всѣмъ: и семьей, и почетомъ, и благами міра, и даже родственными связями при царскомъ дворѣ.

Духовныя власти, отказавшись отъ безплодныхъ увѣщаній, приказали предать непокорныхъ женщинъ „градскому суду“. Ихъ отвели въ Чудовъ монастырь и тамъ посадили въ мрачный подвалъ съ низкими сводами, съ маленькими окошечками, задѣланными желѣзными рѣшетками.

Когда вводили мученицъ за вѣру въ это мрачное мѣсто, Феодосія Морозова воскликнула: „Вхожу я въ пресвѣтлую горницу“. Потомъ обѣихъ исповѣдницъ приковали желѣзными цѣпями за шею къ стоявшей въ казематѣ тяжелой деревянной „колодѣ“. Когда стрѣльцы стали надѣвать на шею боярыни желѣзный ошейникъ, она, перекрестясь, поцѣловала его, и когда желѣзо плотно обхватило шею муче-

ницы и было заперто на большой замокъ, она проговорила: „Слава Тебѣ, Господи, что сподобилъ меня, грѣшную, носить узы. Не стыжусь я поруганія, а веселюсь во имя Христова“.

Послѣ этого боярынь, закованныхъ въ цѣпи, взвалили вмѣстѣ съ „колодами“ на дровни порознь и повезли изъ Чудова монастыря, — Морозову на Печерское подворье, а Урусову — въ Алексѣевскій монастырь.

Понявъ, что ихъ рѣшили разлучить, боярыня Морозова крикнула сестрѣ: „Поминай меня, убогую, въ твоихъ молитвахъ“.

На Печерскомъ подворьѣ Морозову снова посадили въ темный и сырой подвалъ. Желѣзное „огорліе“, или ошейникъ, скоро протеръ ея шею до кровавыхъ ранъ, а оковы изъязвили ей руки и ноги, причиняя мучительныя страданія, которыя мученица переносила безъ ропота и жалобъ, скорбя лишь о томъ, что оковы тяжелы и очень коротки и не даютъ класть земныхъ поклоновъ.

Такъ какъ страдальца не сдалась на „увѣщанія“ отказаться отъ древнимъ преданій, то ее привели въ избу, въ которой подвергали пыткамъ преступниковъ.

Здѣсь ее подвергли ужаснымъ и невыносимымъ пыткамъ, затѣмъ выволокли и бросили на снѣгу.

Жестокія пытки продолжались почти непрерывно три дня, такъ что сами мучители, пораженные такимъ героизмомъ и величіемъ духа въ слабомъ женскомъ тѣлѣ, должны были признать въ боярынь Морозовой мученицу.

Царь Алексѣй втайнѣ сочувствовалъ боярынь и смущенный ея непреклонностью и твердостью, прислалъ къ ней стрѣлецкаго передать: „Мати преподобная, вторая ты Екатерина мученица..“ Истерзанную боярыню снова отвезли на Печерское подворье.

Подчиняясь давленію новомудрствующихъ архіереевъ, царь приказалъ сжечь Морозову „на страхъ еретикамъ“, для чего на Болотѣ приготовили уже и костеръ. Но, по настоянію боярь, царь въ послѣднюю минуту отмѣнилъ свое рѣшеніе, а повелѣлъ отвезти боярыню въ Боровскъ, гдѣ ее посадили въ сырую земляную яму и заморили голодомъ. Сподвижницъ великой страдальцы — Меланью и старицу Іустину сожгли. Въ Боровскѣ же сожгли на кострѣ и бывшего „холопа“ боярыни Морозовой за то, что онъ добросовѣстно сохранилъ часть имущества и богатства замученной боярыни.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а боярыня-мученица

все живетъ въ народной памяти, увѣнчанная яркимъ ореоломъ, какъ образецъ твердости духа и свѣточъ вѣры.

Священномученикъ протопопъ Аввакумъ.

Во главѣ защитниковъ попираемой Никономъ церковной старины судьба поставила Аввакума, — „богатыря-протопопа“, по выраженію знаменитаго историка Соловьева.

Протопопъ Аввакумъ на цѣлую голову возвышается надъ своими современниками и сподвижниками. Его „огнепальная ревность“, непоколебимая твердость духа, честная стойкость убѣжденій, готовность цѣною жизни отстаивать свои взгляды и могучій даръ проповѣдничества невольно выдвигаютъ его на первый планъ въ исторіи раздѣленія церкви при Никонѣ.

Аввакумъ—это положительно характеръ сказочныхъ богатырей, цѣльная натура, самородокъ первой пробы! Полный кипучей энергіи и духовной мощи, Аввакумъ, какъ никто иной, умѣлъ дѣйствовать на умы и души современниковъ своихъ искренностью чувства, живой, образной рѣчью, простонародностью ея, доступной пониманію всѣхъ, а главное—горячей вѣрой въ правоту своего дѣла. Поэтому нисколько не удивительно, если протопопъ Аввакумъ занимаетъ центральное мѣсто въ исторіи старообрядчества.

Аввакумъ родился около 1620 года. Дѣтство свое онъ провелъ въ глухомъ с. Григоровѣ, Нижегородской губерніи (нынѣ Княгининскій уѣздъ). Отецъ его, священникъ с. Григорова, „прилежаше питія хмѣльнаго“, но сынъ съ юныхъ лѣтъ былъ аскетомъ.

Будучи посвященъ во священники въ с. Лопатицы, Аввакумъ ревностнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей пастыря создалъ себѣ многихъ почитателей, но не меньше и враговъ—строгостью нравственныхъ требованій. При столкновеніи съ мѣстными властями на почвѣ точнаго исполненія церковныхъ обязанностей (Аввакумъ обличилъ начальника за неправду), его чуть не застрѣлили, избили, волочили по землѣ въ ризахъ, „изгрызли руки зубами“ и, отнявъ имущество, выгнали съ семьей изъ села, гдѣ онъ служилъ.

Аввакумъ направился въ Москву искать правды, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ нашель покровительство у царскаго духовника протопопа Стефана Вонифатьева, былъ представленъ царю и посланъ назадъ съ царской грамотой. Но царская грамота оказалась безсильною. Многіе продолжали негодовать на смѣльи и суровыя обличенія своего пастыря; власти зло-

бились на самостоятельность и неповиновеніе Аввакума; бояринъ Шереметевъ, съ которымъ столкнулся Аввакумъ, приказалъ бросить его въ рѣку. И Аввакумъ снова долженъ Юрьевецъ Повольскій, Аввакумъ и здѣсь высоко держалъ знамя пастырства, строго обличая пороки духовенства и отъ этой фигуры. Предъ тѣмъ, какъ служить обѣданю, онъ почти не спитъ, а если и спитъ, то нервно и чутко. Добудетъ огня да читаетъ книгу; приспѣетъ время заутрени, самъ идетъ благовѣститъ; прибѣжить на звонницу пономарь, Аввакумъ отдастъ ему колоколь, идетъ въ церковь и читаетъ тамъ полунощницу. За службой у него стой со смиреніемъ. Продолжительная заутреня смѣняется причастнымъ правиломъ, на чтеніе котораго уходитъ цѣлый часъ. Послѣ обѣдни читается поученіе. Пообѣдавъ и отдохнувъ часа два, Аввакумъ опять берется за книгу и читаетъ ее до вечеренъ. Вечерня съ павечернею не заканчиваетъ дневныхъ подвиговъ юрьевецкаго протопопа: послѣ ужина идетъ чтеніе правилъ, поются молитвы, кладутся земные поклоны. Аввакуму, однако, и этого мало. Погасятъ огонь, а онъ съ женою „и иными охотниками“, уже въ потемкахъ, принимается опять класть земные поклоны: самъ сдѣлаетъ 300 поклоновъ, да 600 молитвъ Ісусовыхъ проговоритъ, 100—Богородицъ; протопопицѣ же дается нѣкоторое снисхожденіе во вниманіе къ ея положенію, — „понеже ребятки у нея питагъ“—всего 200 поклоновъ и 400 молитвъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Аввакумъ своей суровостью, обличительнымъ тономъ страстныхъ проповѣдей возстановилъ противъ себя и въ Юрьевицѣ мѣстное духовенство и народъ. Его уговаривали оставить „новшества“, укоротить церковную службу; просили снисходительнѣе относиться къ человѣческимъ слабостямъ: „долго поешь единоголасно, намъ дома недосугъ“,—заявляли ему недовольные... Напрасно! Аввакумъ оставался неумолимъ. Тогда перешли отъ словъ къ дѣлу. Въ городѣ разыгрался настоящий бунтъ. Сбѣжалась къ дѣлу. Въ городѣ разыгрался настоящий бунтъ. Сбѣжалась тысячная толпа: мужики съ батожемъ, бабы съ рычагами выволокли своего пастыря на улицу и избили до полусмерти, едва не прикончили совсѣмъ несчастнаго. Съ трудомъ удалось уйти Аввакуму изъ остервенѣлыхъ рукъ и бѣжать въ Москву. Но покой душевный далекъ былъ отъ Аввакума и въ столицѣ. Здѣсь въ то время усиленную дѣятельность проявлялъ образовавшійся вокругъ царскаго духовника Сте-

осуждая заведенныя новшества и умоляя царя возстановить древнее благочестіе. Не ограничиваясь челобитной, онъ дѣйствуетъ и въ народѣ путемъ устнаго слова; ведетъ пренія съ сторонниками патріарха-реформатора. Сторонники никоновской реформы пытались повліять на Аввакума увѣщаніями, такъ какъ крутыя мѣры сразу неудобно было пускать въ ходъ: у Аввакума среди бояръ и при царскомъ дворѣ были нѣкоторые сторонники—А. П. Милославская, родственница царицы, боярыня Морозова, сестра ея княгиня Урусова и др.

Но Аввакумъ твердо стоялъ на томъ, что считалъ правымъ; къ тому же онъ подалъ царю вторую челобитную, гдѣ проситъ его „старое благочестіе взыскать“. Эта челобитная привела въ ярость духовныя власти, и по ихъ настоянію Аввакума съ семьєю опять отправили въ ссылку въ г. Мезень 29 августа 1664 года.

Но и это новое несчастіе и новыя мученія не поколебали протопопа. И изъ Мезени неустанно раздавалось его горячее слово, разсылались посланія по всей русской землѣ.

Въ февралѣ 1666 года въ Москвѣ былъ созванъ соборъ для рѣшенія спора царя съ Никономъ и для утвержденія его „реформы“. 1-го марта привезли изъ Мезени и Аввакума на этотъ судъ. Но Аввакумъ „покаянія и повинovenія не принесъ, упорствовалъ, еще же и освященный соборъ укорялъ и неправославными называлъ“, за что его тутъ же опозорили: разстригли, обрѣзали бороду, предали анаѳемѣ и заключили въ тюрьму. А такъ какъ и сквозь тюремныя стѣны слово Аввакума проникало въ народъ, то рѣшили сослать его въ г. Пустозерскъ, на берега „Студенаго моря“, чтобы лишить возможности имѣть сношенія съ единомышленниками. Его участь дѣлили романовскій попъ Лазарь, діаконъ Ѳедоръ и инокъ Епифаній, тоже разстриженные, но съ повышеннымъ наказаніемъ: предварительно имъ были урѣзаны языки.

Пустозерскъ — живая могила; но даже и 13 лѣтъ этой могильной жизни не въ силахъ были сломить духъ Аввакума. Его умственная дѣятельность не ослабѣвала ни на минуту; то же страстное чувство, та же непримиримая ненависть къ дѣлу Никона и его сотрудниковъ и преемниковъ, та же жажда проповѣдничества, та же твердая увѣренность въ правотѣ своего дѣла, готовность отстаивать его до послѣдней степени, до пролитія крови.

Сношенія пустозерскихъ ссыльныхъ съ защитниками и послѣдователями до-никоновской церкви не только не пре-

кратились, но даже усилились. Оставшись безъ епископовъ, лишенные пастырскаго руководства, старовѣры обращаются къ своимъ духовнымъ учителямъ за совѣтами и разъясненіями. А тѣ въ отвѣтъ рассылаютъ во множествѣ посланія и письма. Вопросовъ же возникало, разумѣется, очень много, какъ, напримѣръ: можно ли безъ вреда для правой вѣры по нуждѣ обращаться за совершеніемъ таинствъ и разныхъ требъ церковныхъ къ никоианскимъ попамъ, переходящимъ въ старую вѣру, или нѣтъ? Можно ли поклоняться новописаннымъ иконамъ? Какъ понимать пришествіе антихриста: духовно или матеріально? Поститься ли въ субботу? и пр. и пр. Не переставали пустозерскіе заключенники обращаться и съ челобитными въ Москву, къ царю и патріарху. Смѣлость ихъ рѣчи, конечно, порождена, прежде всего, силою ихъ убѣжденія. Мѣстами точно присутствуешь (если не по содержанию, то по формѣ и безбоязненной прямотѣ) при обличеніи библейскихъ царей ветхозавѣтными пророками, или предъ словомъ правды, какія христіанскіе отцы церкви бросали въ лицо языческимъ императорамъ. Въ 1669 году Аввакумъ пишетъ Алексѣю Михайловичу челобитную, гдѣ, между прочимъ, такъ говоритъ ему:

„Сжался надъ своею душою, вернись въ прежнее благочестіе; зачѣмъ оскорбляешь ты братію свою по духу? Насъ несправедливо укоряютъ въ ереси и расколѣ, въ этихъ несправедливыхъ укорахъ виноватъ ты самъ. Воистину говорю тебѣ: смѣло дерзаете, но не на пользу себѣ. Если насъ считать раскольниками и еретиками, то таковыми придется признать и всѣхъ святыхъ отцовъ нашихъ, всѣхъ прежнихъ царей и патріарховъ. Никонъ—богоотметникъ и еретикъ; его новшества—знакъ скорого наступленія царства антихристова; покровительствуя же Никону, ты самъ, государь, умеръ духовно, а отнюдь не воскресъ. На томъ свѣтѣ тошно тебѣ будетъ, да ужъ ничѣмъ не можешь; здѣсь ты не далъ намъ суда, а тамъ будешь отвѣчать всѣмъ намъ. Молился я о спасеніи твоёмъ съ горькими рыданіями и, обезсиленный слезами, забылся; и вотъ вижу тебя предъ собою, и на брюхѣ твоёмъ язву великую, полную гноя, и началъ я тогда эту язву окроплять слезами, а руками сводить, и брюхо твое стало здорово. Зѣло возрадовался о Господѣ и о здравіи твоёмъ; но, повернувъ на спину, увидѣлъ и спину твою въ язвѣ еще болѣе прежней; старался и ее вылѣчить, но „не вся исцѣлѣ“. Нѣтъ, государь, вижу, не исцѣлитъ тебя, надежды нѣтъ больше!“

Послание это имѣло для узниковъ весьма печальныя послѣдствія. Въ 1670 году Аввакума заключили въ земляную тюрьму (яму) и посадили на хлѣбъ и воду, а Лазарю, Епифанію и Ѳеодору отсѣкли пальцы на правыхъ рукахъ и со всѣмъ вырѣзали языки, чтобы окончательно лишить возможности учить и писать посланія. Аввакумъ 10 дней отказывался совсѣмъ отъ пищи, „да братья велѣли“.

Заключенный въ сырую яму, „живой мертвецъ“, какъ самъ себя называлъ Аввакумъ, добровольно подвергъ себя еще новому „искусу“: раздѣлъ одежду и нагимъ сидѣлъ въ холодной землѣ.

Жену Аввакума и двухъ его сыновей также посадили въ Мезени въ земляную яму, и утѣшая „протопопицу“, Аввакумъ пишетъ ей: „не теряй бодрости духа; слѣдуетъ во всемъ положиться на Христа и Богородицу: въ Нихъ наша защита отъ всякихъ бѣдствій. А главное не покладать рукъ, бороться до конца за вѣру Христову“.

Но и земляная тюрьма не могла остановить пламенной проповѣди Аввакума. Его посланія, письма, отвѣты и указанія попрежнему расходятся по всей странѣ.

Въ „Посланіи къ вѣрнымъ“, увѣщевая паству свою твердо стоять за вѣру, онъ уговариваетъ ее не сѣтовать на лишеніе имущества и даже семьи, ссылаясь на собственный примѣръ: „У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіею благодатию снабждаема. А я пою Богу моему, дондеже есмь“. И онъ, дѣйствительно, „пѣлъ“ Ему до послѣдняго издыханія.

За всѣ 11 лѣтъ, слѣдовавшихъ со времени пустозерскихъ казней до смерти Аввакума (1670—1681 гг.), онъ написалъ, несмотря на всю тяжесть обстановки, свыше 40 сочиненій — посланій, челобитенъ, полемическихъ трактатовъ, толкованій по вопросамъ догматическимъ, обрядовымъ и специально обличеній никоновой ереси, всегда съ желаніемъ лишній разъ сказать слово одобренія своей паствѣ, укрѣпить въ ней готовность защищать старую вѣру.

Борьба, борьба до конца. И этого конца нечего опасаться: мысль о неослабности страданія вызываетъ въ Аввакумѣ даже чувство радости и умиленія. Никониане предають сторонниковъ старой вѣры огненной казни, и онъ готовъ поэтизировать подобную смерть. „Хотя и бить тебя стануть, и жечь,—говоритъ онъ,—все это во славу Господа. Что можетъ быть лучше участи попасть въ одинъ чинъ съ мучениками, со апостолами въ полкъ, со святителями въ ликъ, при-

нять побѣдный вѣнецъ, приобщиться ко Христу?..“ „Въ огнѣ потерпѣть вѣдь не долго: только окомя мигнуть, какъ душа и вылетитъ. Чего бояться печи? Смѣлѣе, плюнь на нее, такъ бойсь! До печи. правда, страшно; а чуть вошелъ въ нее, такъ и забылъ все. Когда же загорится: ты и видишь Христа, и ангельскія силы съ Нимъ; они принимаютъ душу отъ тѣла, а Онъ, наша надежда, благословляетъ и силу ей подаетъ. И какъ же рада душа вылетѣть изъ своей темницы!..“

Не теряя надежды направить правительство на путь истины, Аввакумъ въ 1681 году обращается снова съ челобитной къ преемнику царя Алексѣя, Ѳеодору Алексѣевичу, увѣщевая возстановить церковь въ прежнемъ видѣ. Въ отвѣтъ, по настоянію патріарха Іоакима, присланъ былъ грозный приказъ: „за великія на царскій домъ хулы съечь Аввакума и его товарищей“.

14 апрѣля 1682 года страдальцы и мученики за вѣру кончили жизнь на кострѣ. Умирая, Аввакумъ сложилъ двухперстный крестъ и закричалъ народу: „будете этимъ крестомъ молиться—во вѣкъ не погибнете, а оставите его—городокъ вашъ погибнетъ; пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ“. Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ. Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать. Еще минута, не стало и самого Аввакума.

Такъ трагически кончилась жизнь этого рѣдкостнаго человѣка, со всею силой характера, непреклонностью воли, стойкостью убѣжденія и благороднымъ самоотверженіемъ боровагося за идею. Вся многострадальная, доблестная 60-лѣтняя жизнь этого мученика за вѣру полна презрѣніемъ къ личному „я“ и неуклоннымъ служеніемъ своему долгу и совѣсти. И поэтому имя этого великаго человѣка живетъ и будетъ жить въ благодарномъ воспоминаніи потомства, окруженное ореоломъ святости и почитанія со стороны единоженное ороломъ святости и почитанія со стороны единомысленниковъ и послѣдователей и крайнимъ удивленіемъ и уваженіемъ со стороны даже противниковъ.

Соборъ 1666—1667 гг.

Никонъ, какъ мы уже видѣли, проводилъ свою „реформу“, не обращая вниманія ни на протестъ вѣрующаго народа, ни на волненіе умовъ, ни на противорѣчіе лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей духовенства. Начатое исправленіе

— 33 —
книгъ по новымъ греческимъ образцамъ, которые печатались иезуитами въ Римѣ, Венеціи и другихъ городахъ Запада, и въ которые намѣренно вносились латинскія заблужденія, по признанію самихъ греческихъ іерарховъ, продолжалось подъ руководствомъ все того же Арсенія-грека, челоука съ темнымъ прошлымъ и едва ли даже христіанина.

Съ противниками своихъ дѣяній Никонъ расправлялся быстро и жестоко: ихъ просто отдавали тогдашнему кровавому и безчеловѣчному „градскому суду“. Кровь лилась рѣкой за стойкую защиту наслѣдія отцовъ и дѣдовъ и за вѣтвь древней православной церкви.

Между тѣмъ, честолюбивый и гордый Никонъ, по словамъ своихъ современниковъ, рѣшившій „поставить святительство выше царства“, назвавшись „Великимъ Государемъ“, сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла государственнаго управленія до того, что, по сказанію современниковъ, изъ-за него „и царской власти стало не слышно“. Своимъ самомнѣніемъ и властолюбіемъ и привычкой всѣхъ унижать онъ успѣлъ вооружить противъ себя рѣшительно всѣхъ, а къ тому же и самому довѣрчивому и „тишайшему“ царю и его дому причинилъ такую великую обиду, о которой царь постѣснялся даже и рассказать подробно собору 1666—1667 гг... Завязалась борьба между царемъ и придворными боярами и Никономъ, и въ порывѣ раздраженія и злобы Никонъ, думавшій, что его власти и конца не будетъ, бросилъ паству, заявивъ публично, что отказывается отъ патриаршества, и уѣхалъ изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. Онъ рассчитывалъ, что царь будетъ упрашивать его остаться, но въ этомъ жестоко ошибся.

Ревнителі старины питали, хотя и слабую надежду, что съ уходомъ Никона и дѣло его рухнетъ. Но случилось не такъ. Соборы 1666—1667 годовъ, собранные для суда надъ Никономъ, на которые прибыли и нѣкоторые восточные патриархи, осудили и низложили Никона, сославъ его въ Ферапонтовъ монастырь, какъ просто монаха, гдѣ Никонъ велъ жизнь самую неспокойную, грязную и даже развратную. Но, осудивъ Никона, эти соборы одобрили его „исправленія“ и повторили клятву на всѣхъ тѣхъ, кто будетъ держаться старыхъ книгъ и обрядовъ.

Для характеристики „реформатора“ Никона и его вдохновителей грековъ, оказавшихся его же судьями, не безынтересно привести, между прочимъ, слѣдующую сцену, разыгравшуюся на соборѣ, осудившемъ и извергшемъ Никона и

низведшемъ его въ разрядъ простыхъ монаховъ. — Заявивъ развязно и безъ стѣсненія, что греческія книги, по которымъ самъ-же Никонъ исправлялъ русскія богослужебныя книги, — „не прямыя, а еретическія“, онъ и всю русскую церковную іерархію, судившую его, назвалъ „латинствующею, любодѣйснимали панатію и клобукъ, онъ громко и язвительно сказала греческимъ іерархамъ: „Возьмите это себѣ, раздѣлите жемчугъ между собою, достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы, бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостынею, чтобы было чѣмъ дань заплатитъ султану“. Такой презрительный и злобный отзывъ Никона о грекахъ и греческихъ книгахъ, передъ которыми онъ до этого времени преклонялся, показываетъ, что или Никонъ все время былъ неискрененъ и подъ видомъ книжнаго исправленія сознательно преслѣдовалъ совсѣмъ другія цѣли, или же онъ за это время и самъ прозрѣлъ и отлично понялъ, какъ ловко провели его пронырливые греки, слѣлавъ его орудіемъ своихъ интригъ и страстей и при его помощи посѣявъ въ русской церкви вражду и смуту, а когда упрочили свой авторитетъ и положеніе въ Россіи, и Никонъ сталъ имъ не нуженъ, они судятъ его, какъ еретика и величайшаго преступника, видя, что и царь, раздосадованный на Никона, желаетъ покончить съ нимъ свои счеты.

Клятвы соборовъ 1666—1667 гг.

Рѣшивъ поддержать дѣло Никона, натворившее столько бѣдъ въ русской церкви, соборъ 1666 года 7 мая „соорудилъ“ книгу „Жезлъ“, нѣчто въ родѣ апологіи нововведеній, въ которой (л. 62) двуперстное крестное знаменіе называетъ „душевреднымъ ученіемъ“ и говоритъ: „Подобаетъ убо, о православніи людіе, послѣдовати древнему всея церкви обычаю, апостольскому преданію, всѣхъ православныхъ народовъ согласію, еже есть трети первыми персты крестное творити изображение: а противне упорно мудрствующихъ предаемъ анаѣемъ“.

А соборъ 1667 года съ участіемъ трехъ патриарховъ въ Москвѣ мая въ 13 день постановилъ: „Во имени великаго Бога... соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ и повелѣваемъ покорятися во всемъ безъ всякаго сумнѣнія и прекословія святой восточнѣй и апостольскѣй церкви Христовѣ... (именно): ал-

лилуйя во уреченныхъ мѣстѣхъ глаголати трижды... знаменіе креста творити на себѣ тремя первыми персты по древнему преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ... Молитву Іисусову глаголати сице: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, въ церковномъ пѣніи и во общемъ собраніи, а наединѣ якоже кто хоцетъ. Просфоры печатати печатію креста четвероконечнаго... Благословляти народъ сложивши... два перста, яже знаменуета ІС... и три персты ХС.

Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышереченнымъ чинамъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранить и покорятися святой восточной церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору*), или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы такового противника данною намъ властію отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще ли будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и проклятію предаемъ. Аще же отъ мірскаго чина (будетъ), отлучаемъ, и чужда сотворяемъ, отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа: и проклятію, и анаѣмѣ предаемъ, яко еретика и непокорника: и отъ православнаго всесочлененія и стада: и отъ Церкви Божія отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не уразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудетъ во упрямствѣ своемъ до скончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его, и душа со Іудею предателемъ и съ распятыми Христа жидовы: и со Аріемъ, и со прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и дровеса да разрушатся и да растлятся: а той, да будетъ не разрѣшенъ, и не растлѣнъ, и яко тимпанъ (?), во вѣки вѣковъ, аминь. Сіе наше соборное узаконеніе подписаномъ и утверждено нашими руками... въ вѣчное утвержденіе и присное въ воспоминаніе".

Тотъ же соборъ еще разъ подтвердилъ: „Кто отнынѣ начнетъ прекословити о изложенныхъ винахъ на соборѣ семъ великомъ отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, яже исправиша и законоположиша о аллилуйи и о крестѣ и о прочихъ винахъ, яже писаны суть въ соборномъ изложеніи настоящаго сего собора... и въ книзѣ Правленія Жезль: да будетъ по апостолу Павлу въ правду самоосужденъ и на-

*) Слова курсивомъ въ послѣднемъ спискѣ приписаны другою рукою на поляхъ или между строкъ и, повидимому, носятъ характеръ позднѣйшей вставки для нѣкоторыхъ свѣдѣній этого соборнаго опредѣленія.

слѣдникъ клятвѣ сего собора, писаниѣ въ соборномъ дѣяніи его, яко преслушникъ Божій и святыхъ отецъ правиломъ противникъ".

Эти чудовищныя, ужасныя, безумныя клятвы, полу-вославныхъ христіанъ за содержаніе древнихъ преданій церкви, Божіимъ, и, значитъ, итти за ними—погибель.

Зная изъ ученія св. отцовъ, что „неправедная клятва" возвращается на голову пославшихъ ее, благочестивые хранители наслѣдія древней церкви рѣшили окончательно порвать всякое общеніе съ архіереями, забывшими завѣты Христа, оставаясь въ духовномъ общеніи и единеніи съ православною церковью прежнихъ временъ и св. отцами.

Руководители собора 1666—1667 гг.

Описаніе собора 1666—1667 гг., своими безумными клятвами скрѣпившаго расколъ русской церкви, было бы не полно, если не указать, что душою, вдохновителемъ и руководителемъ этого собора былъ нѣкто Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, подписавшійся такъ подъ его опредѣленіями, а на самомъ дѣлѣ авантюристъ и самозванецъ, поддѣлавшій потріаршія подписи и печати, запрещенный и даже совсѣмъ лишенный кафедры и сана архіерей, выдававший себя за дѣйствительнаго митрополита, продававший, какъ и всѣ тогдашніе греки, пріѣзжавшіе пожить на Русь, печатныя индульгенціи (отпущеніе всѣхъ грѣховъ, даже имѣющихъ содѣяться впредь) и вообще ради получки болѣе щедрой милостыни позволявшій себѣ прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ и даже прямо преступнымъ средствамъ. Онъ прибылъ въ Москву какъ разъ въ то время, когда „тишайшій" царь искалъ случая развѣичать и достойно наказать своего зазнавашагося „собиннаго друга", причинившаго царю великое безчестіе и семейную обиду. Какъ ловкій и ученый грекъ, Паисій сразу понялъ, что его услуги могутъ здѣсь пригодиться, а потому, благодаря подложнымъ грамотамъ, разыгрывая съ большою смѣлостью роль дѣйствительнаго Газскаго митрополита, онъ начинаетъ выпрашивать у царя крупныя суммы на уплату долговъ своей несуществующей епархіи. Когда подошло время суда надъ Никономъ и рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ его дѣятельностью по „исправленію" книгъ, Паисій опять, ничтоже сумняся, фабри-

куетъ подложныя грамоты, при помощи которыхъ выдаетъ себя за экзарха цареградскаго патріарха, яко бы уполномочившаго Паисія для суда надъ Никономъ и рѣшенія возникшихъ нестроений въ русской церкви, хотя на самомъ дѣлѣ и въ Константинополѣ, и въ Іерусалимѣ Паисія не признавали даже православнымъ, а считали латинщикомъ. Приобрѣтенная Паисіемъ Лигаридомъ образованность и ученость въ Римской іезуитской коллегіи была для него красивой вывѣской, которой прикрывались нечестность и интриги, грязныя стремленія и побужденія, самолюбіе и самохвальство, эгоизмъ и корыстолюбіе, толкавшіе его постоянно во все вмѣшиваться и вездѣ играть главную рѣшающую роль, въ качествѣ инициатора и авторитетнаго совѣтника. Объ этомъ смѣломъ авантюристѣ, главномъ вдохновителѣ собора 1666—1667 гг., профессоръ Киптеревъ на основаніи документовъ, рассказываетъ слѣдующее: „Паисій принадлежалъ къ числу тѣхъ бродячихъ, не ужившихся дома архіереевъ, которымъ не подобаетъ возлагать на себя ни эпитрахили, ни омофора, которые, лишившись по какому-либо случаю своихъ каедръ, безпокойно переходятъ съ мѣста на мѣсто съ цѣлью пристроиться гдѣ-либо повыгоднѣе и поудобнѣе. Но Паисій замѣтно выдѣлялся по своимъ личнымъ качествамъ изъ толпы другихъ греческихъ бродячихъ архіереевъ. Онъ былъ человѣкъ довольно образованный и даже ученый, человѣкъ ловкій, умный, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый гречанинъ, способный приладиться ко всякой данной средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, которые были нужны ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія-либо выгоды для себя. Въ Москвѣ этотъ воспитанникъ іезуитовъ, этотъ бросившій свою епархію архіерей, равнодушный къ православію и его интересамъ, ловко умѣлъ разыгрывать роль строгаго поборника православія, ревнителя церковныхъ правилъ и постановленій, обличителя всякихъ уклоненій отъ строго православной жизни, при чемъ онъ искусно выдвигалъ на видъ свой ученый авторитетъ тамъ, гдѣ этого требовали его личные интересы, гдѣ ему нужно было произвести своею ученостью извѣстное впечатлѣніе на русскихъ. Вообще, Паисій былъ довольно даровитый и образованный архіерей; авантюристъ, способный на всѣ руки и на всѣ послуги, за которыя ему хорошо платятъ. Какъ и большая часть подобныхъ выходцевъ, Паисій прѣхалъ въ Москву съ цѣлью попытаться счастья въ этой

варварской, но богатой странѣ, гдѣ его умъ, ученость, іезуитская ловкость и изворотливость должны были обезпечить ему блестящую карьеру, уже болѣе невозможную для него на Востокѣ. Паисій вѣхалъ въ Москву съ опредѣленными цѣлями, общими, впрочемъ, ему съ другими выходцами: приобрести въ Россіи какими бы то ни было средствами побольше денегъ, заручиться расположеніемъ къ себѣ московскаго двора и при его содѣйствіи возстановить свое незавидное, совсѣмъ уже пошатнувшееся положеніе на Востоке. О средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, особенно нравственномъ ихъ характерѣ, Паисій не задумывался. Онъ прибылъ въ Москву въ самое горячее время, когда дѣло Никона все болѣе и болѣе запутывалось, когда московское правительство чувствовало свое полное безсиліе такъ или иначе порѣшить это дѣло и потому крайне нуждалось въ человѣкѣ, который бы помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Паисій и былъ такимъ именно человѣкомъ, способнымъ взяться за всякое дѣло, особенно которое ему сулило всевозможныя выгоды, почетъ и вліяніе. Онъ сразу понялъ выгоду своего положенія... Пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроуміе и находчивость, весь запасъ своихъ научныхъ знаній...

Паисій не замедлил воспользоваться расположеніемъ къ себѣ царя, чтобы извлечь отсюда всевозможныя выгоды. Цѣлый рядъ челобитныхъ царю съ самыми разнообразными требованіями ярко рисуютъ намъ Паисія съ этой стороны. Немедленно по своемъ прибытіи въ Москву Паисій проситъ Государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми-де онъ уговорился давать имъ откупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ, и проситъ вручить ему эту сумму: „чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моя область нечестивые турки не обратили въ свою турецкую область“. Чтобы понять истинный смыслъ этой челобитной, нужно знать, что Паисій въ это время не былъ дѣйствительно митрополитомъ, такъ какъ уже давно брошены на произволъ судьбы свою митрополию, за что, между прочимъ, и былъ лишень архіерейства іерусалимскихъ патріархомъ Паисіемъ. Просьба со стороны Лигарида денегъ у Государя на выкупъ его епархіи отъ турокъ была прямымъ обманомъ, безцеремонною въ видахъ наживы эксплуатациею довѣрія и расположенія къ нему Государя...
Особенно сильное вліяніе Паисій приобрѣлъ въ Москвѣ,

благодаря своему вмѣшательству въ дѣло Никона, въ которомъ онъ принялъ самое живое и дѣятельное участіе, ставъ душою и руководителемъ всѣхъ враговъ этого патріарха, инициаторомъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ осужденію и конечному низверженію Никона... Здѣсь обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Паисій, судившій и рядившій въ Москвѣ дѣло Никона, авторитетно трактовавшій и рѣшавшій запутанныя русскія церковныя дѣла, въ дѣйствительности былъ не болѣе, какъ лишенный сана архіерей и притомъ очень сомнительнаго православія. Никону отъ преданныхъ ему гречанъ удалось узнать прошлое Паисія, и онъ написалъ противъ него цѣлую книгу... Сущность обвиненій Никона противъ Паисія сводилась къ тому, что Паисій, какъ воспитанникъ іезуитовъ и латинскій ставленникъ, не можетъ считаться православнымъ, и его нельзя допускать поэтому къ участію въ дѣлахъ православной церкви; что Паисій не настоящій, а запрещенный архіерей, лишенный сана іерусалимскимъ патріархомъ. Паисій на первый разъ успѣлъ оправдаться отъ этихъ тяжелыхъ обвиненій противъ него Никона, благодаря, главнымъ образомъ, подложнымъ грамотамъ, написаннымъ отъ имени константинопольскаго патріарха Діонисія, которыми онъ успѣлъ раздобыться и успокоить встревоженнаго было царя. Но торжество Паисія въ этомъ отношеніи было непродолжительно. 29 іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамота іерусалимскаго патріарха Нектарія, въ которой онъ писалъ государю о Паисіи, что „тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ патріархомъ Паисіемъ, о чемъ была послана вѣсть и александрійскому патріарху Паисію, потому что Лигаридъ въ то время служилъ въ волошской землѣ, гдѣ тогда находился и александрійскій патріархъ. Когда Нектарій сдѣлался патріархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю и тамъ писалъ грамоты ложныя, съ чѣмъ прийти къ тебѣ, великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городахъ писалъ, тотъ нынѣ человекъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій“. Далѣе извѣщаетъ, что полученныя отъ государя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ Паисій отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину о. Хіосъ, а вовсе не въ епархію, которую онъ уже бросилъ 14 лѣтъ тому назадъ. „Даемъ

подлинную вѣдомость, говоритъ Нектарій, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыко, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишень, только именуется Паисій“. Затѣмъ Нектарій указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ „называется съ православными— православнымъ“, а „латыни свидѣтельствуютъ и называютъ его своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣсти ефимковъ“. Это говоритъ о Паисіи уже не Никонъ, а самъ іерусалимскій патріархъ. Личность Паисія теперь стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей, авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными грамотами и, выдавая себя здѣсь за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которыя онъ получилъ отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало: являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, Паисій въ дѣйствительности сильно подозрѣвался въ латинствѣ,—латынникомъ призналъ Паисія и его собственный іерусалимскій патріархъ. Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ относительно Паисія іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, которыя показали русскимъ, какъ дерзко и нагло обманывалъ ихъ во всемъ Паисій, позволительно было ожидать, что онъ будетъ отправленъ за всѣ свои проделки на Соловки, подъ крѣпкій началь, но въ дѣйствительности этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человекъ, отъ котораго происходили всѣ совѣты и указанія по дѣлу Никона и его противниковъ, на котораго доселѣ смотрѣли, какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя Востока, въ мудрость и компетентность котораго всѣ вѣрили, котораго самъ царь слушалъ, „какъ пророка Божія“,—что этотъ человекъ былъ лишенный сана архіерей, обманщикъ и латынникъ, ловко разыгравшій передъ русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя чуждыхъ для него интересовъ православія... Алексѣй Михайловичъ, благодарный Паисію за ревностную службу въ дѣлѣ Никона, питавшій, какъ видно, искреннее расположеніе къ Паисію и видѣвшій въ его осужденіи какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія,—рѣшился хлопотать

передъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи своего новаго друга въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита... Но увѣренность царя выхлопотать у патріарховъ чрезъ волошскаго воеводу разрѣшеніе для Паисія... не оправдалась“.

Внутреннее значеніе собора 1666—1667 гг.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ, какъ въ новшествахъ Никона, такъ и въ укрѣплявшихъ эти новшества соборахъ 1666—1667 гг. увидѣлъ нарушеніе православія и гибель вѣры. Какъ русскимъ людямъ было не заволноваться, не признать глубокаго униженія и тяжкаго оскорбленія русской православной церкви при видѣ того, какъ всѣми церковными дѣлами и соборами орудуешь и заправляетъ проходимецъ изъ Турціи, лишенный кафедры и сана архіерей-авантюристъ, даже самими восточными патріархами не признаваемый за православнаго?

Если уже грекофилъ Никонъ доходилъ въ своихъ дѣяніяхъ до такихъ крайностей, то что подумать о самихъ грекахъ, восточныхъ іерархахъ, въ руки которыхъ перешло дѣло Никона и его противниковъ? Съ сознаниемъ своей высшей судебной власти они предали анаѣмѣ и уголовнымъ казнямъ всѣхъ сторонниковъ стараго обряда и, скрѣпивъ соборнымъ приговоромъ расколъ церкви, большею частью уѣхали въ свои страны съ карманами, туго-набитыми золотомъ того народа, который они проклинали. Захвативъ въ свои руки всѣ русскія церковныя дѣла, говоритъ проф. Доброклонскій, — ловкіе гречане буквально хозяйничали въ нихъ. Они были душою, инициаторами и руководителями всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій по дѣлу Никона и его противниковъ, авторитетными совѣтниками и вершителями всѣхъ возникавшихъ церковныхъ вопросовъ и недоумѣній, исполнителями ими же самими внушенныхъ правительственныхъ распоряженій, особенно по сношеніямъ съ восточными патріархами. Русскіе отдали имъ на судъ всю свою прошлую церковную жизнь и современное положеніе церкви, принявъ ихъ рѣшенія, хотя многія изъ постановленій собора 1667 г., продиктованныя греками, прямо направлены противъ всего русскаго, чтобы при помощи униженія русской церкви возвыситься все греческое. Такъ, соборомъ 1667 г. громко заявляется, что Стоглавый соборъ, оградившій, по примѣру древней греческой церкви, клятвою двуперстіе, несогласное съ

выдуманнымъ греками потомъ троеперстіемъ, дѣйствовалъ „не-разсудно, простотою и невѣжествомъ“, что соборъ этотъ „положилъ названную клятву „безъ разсужденія и неправедно“, свѣщеннѣйшій человекъ своего времени, митрополитъ Макарій, прособоръ) невѣжествомъ своимъ безразсудно“. Подписавъ такое, продиктованное греками, опредѣленіе, русскіе іерархи тѣмъ самымъ торжественно и окончательно, безповоротнo отрекались отъ своей церковной старины въ пользу современныхъ греческихъ обрядовъ и обычаевъ, единымъ взмахомъ пера зачеркнувъ всю историческую жизнь русской православной церкви и признавъ время ея самостоятельности (отъ паденія Константинополя до Никона), когда было устранено всякое влияніе и участіе грековъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, временемъ страшныхъ ошибокъ, заблужденій и искаженія православныхъ чиновъ и обрядовъ, достойнымъ всякаго осужденія и порицанія.

Подписывая опредѣленія 1667 г., русскіе іерархи тѣмъ самымъ расписывались въ томъ, что русская церковь не способна къ самостоятельной жизни, что для нея, какъ несовершеннолѣтней, нужна опека и руководство гречанъ, что образцомъ для нея, руководствомъ и путеводной звѣздой должны служить не свое прошлое и указанія своего опыта и исторіи, а современные греческіе чины и порядки и указка грековъ.

Это было поистинѣ неслыханное въ исторіи церкви отреченіе. Кучка ловкихъ, проницательныхъ гречанъ-проходимцевъ, облатинившихся въ іезуитскихъ школахъ, сумѣла заставить близорукихъ руководителей русской церкви, во имя глупаго ребяческаго подражанія всякой прихотливой переимѣннѣ греками своихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, подражанія, похожего на манеру обязьянъ и попугаевъ, своими же руками исковеркать и опозорить все свое прошлое, отказать, въ пользу чуждаго авторитета и влиянія, отъ своей исторіи и церковной старины, отъ всѣхъ ея преданій, завѣтовъ, мечтаній и чаяній. — однимъ словомъ, отъ всего того, чѣмъ воспиталась, возросла, укрѣпилась русская православная церковь съ сонмомъ своихъ святителей и угольниковъ, чѣмъ она жила и дышала, на чемъ создала свою внутреннюю жизнь, свои отношенія ко всему окружающему, что составляло ея духовную силу и мощь, что спасало ее отъ бѣдствій, испытаній и ударовъ судьбы.

Когда такимъ образомъ соборъ 1666—1667 гг. закрѣ-

пилъ своими чудовищными клятвами отступничество отъ преданій, обрядовъ и обычаевъ, принятыхъ русскою православною церковью отъ самихъ же грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой и сохранныхъ до Никона, православнымъ христіанамъ, не желавшимъ вмѣстѣ съ такими людьми, какъ Паисій Лигаридъ, осудить и проклясть всю церковь предшествующихъ вѣковъ, съ ея святыми угодниками Божіими, ничего не оставалось дѣлать, какъ только согласно канонамъ церкви отдѣлиться отъ своихъ архипастырей, хотя бы ересь ихъ даже и не была осуждена св. соборами. Все, что было въ русской церкви глубоко-религіознаго, — все это перешло открыто на сторону народной, старой вѣры, или ей тайнѣ сочувствовало. На сторонѣ властныхъ и жестокихъ „владыкъ“ и ихъ вѣры оказались или люди равнодушные и холодные въ вѣрѣ, или самые безсознательные, или же подчинившіеся насилію, способные пожертвовать своей вѣрой, совѣстью и душой ради житейскихъ выгодъ, по слабости и расчету. Все это, естественно, явилось причиной крайняго упадка внутренней духовной жизни послѣдователей Никона и дальнѣйшаго разложенія господствующей церкви, дальнѣйшихъ ея роковыхъ ошибокъ и заблужденій.

Гоненія на старую вѣру.

Одобривъ реформу Никона и осыпавъ клятвами православныхъ христіанъ, держащихся старыхъ обрядовъ, правящіе верхи русской церкви того времени, въ лицѣ собора 1666 года, придали санкцію начавшимся гоненіямъ и мученіямъ, постановивъ наказывать сторонниковъ старины „не только церковнымъ наказаніемъ, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“.

А въ наказѣ къ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ и старостамъ поповскимъ соборъ объявилъ слѣдующее: „Аще кто не послушаетъ хотя въ единомъ чесомъ повелѣваемыхъ отъ насъ или начнетъ прекословити, и вы на таковыхъ возвѣщайте намъ, и мы таковыхъ накажемъ духовно, аще же и духовное наказаніе наше начнутъ презирати, и мы таковымъ приложимъ и тѣлесная озлобленія.“

И вотъ съ благословленія духовнаго собора начались неслыханно-жестокія и суровыя расправы, и кровь полилась рѣкой. Началась, по словамъ современниковъ, буквально „исовая охота на христіанъ.“ „Времена Діоклетіана настали! Неронови свѣщники изъ христіанской плоти возжигаютъ

— 43 —
на Болотѣ, освѣщенія ради тьмы кремлевскія“, — говорилъ народъ.

Страшно вспомнить о томъ жестокомъ и мрачномъ времени.

Духовное и гражданское правительство на приверженность къ старинѣ и нежеланіе принять новизны, введенныя иконовской реформой, отвѣчало многочисленными ссылками и ужасными казнями. Всѣ первые защитники древности умерли на плахѣ, сгорѣли въ срубахъ и на кострахъ, исчахли монастыри. Безчисленныя и безпощадныя казни, утонченныя и мучительныя пытки идутъ длиннымъ, непрерывнымъ рядомъ.

Старовѣровъ „пытали и жгли огнемъ на-крѣпко“, сѣкли плетьюми и били батогами „нешадно“, рвали ноздри, вырѣзывали языки, уши, рубили головы на плахѣ, ломали клешами ребра, зарывали по шею живыхъ въ землю, кидали въ клетки и, заваливъ тамъ соломою, сожигали, обливали голыхъ водою и замораживали, выматывали жилы, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, гноили и морили голодомъ въ земляныхъ ямахъ, отбирали имущество, ссылали на вѣчныя работы въ Сибирь и на галеры, брали двойной окладъ и сверхъ того еще особый налогъ за ношеніе бороды и т. п. Словомъ, все, что только могло изобрѣсти человѣческое звѣрство для устрашенія, паники и террора, — все было пушено въ ходъ.

Народъ пришелъ въ ужасъ отъ такихъ мѣръ; онъ обвинилъ антихристовыми слугами духовную и гражданскую власти, которыя „упивались кровью праведныхъ“, любясь тѣмъ, какъ вздымались клубы дыма отъ пылающихъ на Руси костровъ, на которыхъ жарились невинные страдальцы за вѣру, какъ вездѣ красовались висѣлицы и плахи, обогрѣныя потоками крови защитниковъ старины.

Народъ думали запугать казнями, но довели до того, что онъ самъ началъ сожигаться цѣлыми тысячами. Не имѣвшіе возможности бѣжать или укрыться, при появленіи „наѣзда гонителей со оружіемъ и пушками, боящиеся ихъ мучительства, сами сожигаются,“ — говоритъ современный дѣеписатель.

Такимъ путемъ погибли десятки тысячъ невинныхъ жертвъ, рассуждая вполне логично, что лучше разомъ покончить всѣ расчеты съ жизнью, чѣмъ лишиться ея отъ руки напавшей воинской команды, послѣ безчеловѣчныхъ

пытокъ и истязаній, можетъ-быть даже отречьшись поневолю отъ своихъ убѣждений.

Талантливый и стойкій борецъ за старину протопопъ Аввакумъ писалъ по поводу гоненій: „Чудо! Какъ-то въ познание не хотятъ приняти: огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже-бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Татарскій богъ Маомефъ написалъ въ своихъ книгахъ сие: „Не покаяющимся нашему преданію и закону, повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити“...

Возражали противъ гоненій и другіе борцы за старую вѣру, доказывая и въ многочисленныхъ „челобитныхъ, и въ разныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ въ „Дьяконовыхъ“, а такъ-же въ „Поморскихъ“ отвѣтахъ, несомѣстимость съ христіанскимъ ученіемъ и съ достоинствомъ церкви гоненій за вѣру и отстаивая принципъ свободы въ дѣлахъ совѣсти, дающей возможность „каждой вѣрѣ самой проявить плодъ евангельской добродѣтели“.

Но развѣ могли такія рѣчи остановить духовныхъ „владыкъ“, пропитанныхъ духомъ непогрѣшимости, считавшихъ, что „церковь—это они“? Преслѣдованія усиливались.

„Всюду мучительства мечъ обагриша кровію неповинною, новыхъ старообрядцевъ видяшеса всюду плачь, вопль и стонаніе, вся темницы во градѣхъ и селѣхъ наполнишася древняго держащихся благочестія. Вездѣ цѣпи брячаху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху: вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы никоновыхъ новинъ яростію и гнѣвомъ и мучительствомъ вмѣсто кроткаго духа дыхаху: битіемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщеваху: лукавствомъ и коварствомъ злымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождяху, и отъ таковаго насилуваннаго лютаго мучительства обляхуся вся грады кровію, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стенаніи пустыни и дебри...“

Толицы мученицы страдаху... Толицы исповѣдницы скончевахуся. Ови мечемъ усѣкаемы, ови огнемъ сожигаемы, иныи инако скончеваемы“.

Такъ описываетъ современникъ той ужасной эпохи гоненія на старую вѣру.

Въ застѣнкахъ, гдѣ производились пытки надъ державшимися старины, „предстоятъ учителя нѣмые, вмѣсто еван-

гелія—кнутомъ и вмѣсто апостола—огнемъ просвѣщающе,“—говорить другой современный бытописатель.

Такъ насаждалась на Руси новая вѣра мнимыми намѣстниками Христа, не знавшими другихъ средствъ борьбы, кромѣ висѣлицы, костра, плахи, ссылки въ каторгу, конфискаціи имущества и т. д.

Предавъ проклятію и примѣнивъ къ злѣйшимъ ересямъ древнія церковныя преданія, эти инквизиторы и палачи стали новыя книги никоновской редакціи вездѣ вводить насильствомъ, а старыя отбирали и сожигали, при чемъ за утайку сѣкли кнутомъ „нешадно“; священниковъ, которые осмѣливались совершать богослуженіе по старымъ службникамъ, лишали сана, били плетьюми и батогами, увѣчили и запирали въ земляныя тюрьмы до конца жизни, ссылали въ монастыри на цѣпь и т. под.; такой же казни подвергали просфорницъ, державшихъ печатать просфоры старой печатью съ восьмиконечнымъ крестомъ.

Слѣдующая характерная сценка изъ „преній о вѣрѣ“ въ Москвѣ въ Грановитой палатѣ въ 1682 году показываетъ, что кары сыпались даже не на упорныхъ и страстныхъ борцовъ за старину, не на „церковныхъ бунтовщиковъ“, какъ ихъ окрестили архіереи-тираны, а на простыхъ смертныхъ, желавшихъ при полномъ подчиненіи архіереямъ сохранить старыя обряды, съ которыми они свыклись. На вопросъ Саввы Романова: „Кая ересь и хула въ семъ, еже двѣма персты креститися, божество и челоуѣчество исповѣдати, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати? За сіе чесо ради мучити и въ срубяхъ жещи?“ патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ: „Мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жжемъ, но за то, яко насъ еретиками называютъ и святѣй церкви не повинуются, сожигаемъ“. То же подтвердилъ и Питиримъ, епископъ нижегородскій. Тогда Савва сказалъ: „Правду ли епископъ глаголеши, яко за крестное знаменіе и за молитву не мучите? То чесо ради, егда приведуть предъ васъ коего христіанина, и на первыхъ словесѣхъ истязуете его, како креститися и како молитву творить. И аще отвѣщаетъ оный: крестуюся и молитву глаголю по старому, якоже святая церковь пріяла отъ святыхъ богоносныхъ отецъ, — и вы за то того часа велите его мучити, и въ тюрьму вринете на смерть. И нынѣ у тебя въ Нижнемъ-Новгородѣ сидятъ три челоуѣка за крестъ и молитву въ ямѣ, которая ископана глубиною саженой десять, подъ башнею Иванскою. По тво-ему же приказу приходилъ къ нимъ пош. Евфимій Мур-

носицкой и, изведъ ихъ изъ ямы, вопрошавалъ, повинуются ли церкви во всемъ и архіерею? Они же, пріемше отъ него благословеніе, отвѣщаа: во всемъ повинujemy и волю вашу безъ прекословія будемъ творити, точію увольте намъ крестное знаменіе и молитву постарому имѣти, и оной попь тебѣ возвѣстилъ: ты же паки повелѣлъ въ ту же яму бросити“.

Названный „споръ о вѣрѣ“ кончился тѣмъ, что бывшій во главѣ приверженцевъ старины протопопъ Никита былъ схваченъ и казненъ.

Правительство чувствовало, что оно безсильно, со всѣмъ своимъ арсеналомъ физическаго воздѣйствія, покорить народную душу. И эти удивительная стойкость и живучесть народнаго протеста во имя старой вѣры еще болѣе раздражала его, какъ и все оригинальное, все, что не подходило подъ его мѣрку, не соответствовало его вкусамъ и намѣреніямъ, вдохновляемымъ и благословляемымъ духовными правителями. А къ тому же въ борьбѣ за сохраненіе старой вѣры правительство, какъ водится, усмотрѣло „крамолу“, „бунтъ“, „политическій элементъ“.

Правительство напрягало всѣ силы къ уничтоженію приверженцевъ старины. Одного огульнаго обвиненія и осужденія было для него уже недостаточно, и оно озаботилось составленіемъ подробныхъ правилъ для розысканія и наказанія „раскольниковъ“.

Въ постановленіяхъ соборовъ, начиная съ 1681 года и кончая 1685 годомъ, обращенныхъ въ государственный законъ и распубликованныхъ въ формѣ царскихъ указовъ, установлены были слѣдующія драконовскія, крайне жестокія даже для того времени мѣры: „Раскольниковъ, которые хулятъ святую церковь, производятъ въ народъ соблазнъ и мятежъ и остаются упорными по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь въ срубѣ. Если же у казни покорятся святой церкви, отсылать въ монастыри подъ строгій надзоръ, и по окончаніи испытанія молодыхъ и не женатыхъ не выпускать изъ монастыря до конца жизни, чтобы они снова не увлеклись въ расколъ, а женатыхъ отпускать на поруки, и когда окажется, что они снова предалися расколу, казнить тою же смертію. Тѣхъ, которые перекрещивали взрослыхъ и дѣтей, называя прежде ихъ крещеніе неправымъ, казнить смертію. Тѣхъ, кто перекрещивалъ другихъ, хотя-бы онъ и покорился церкви, послѣ исповѣди и причастія, казнить тою же смертію безъ всякаго милосердія. Тѣхъ, которые пере-

крещивались со своими дѣтьми, если раскаются, бить кнутомъ и отсылать для исправленія къ мѣстнымъ архіереямъ, а если останутся упорными, казнить смертію. Обличенныхъ въ укрывательствѣ у себя раскольниковъ, въ доставленіи имъ пищи, питія и т. п., если сознаются, однихъ судя по винѣ, бить кнутомъ и батогами, а другихъ ссылатъ въ дальніе горы рода. Кто держитъ раскольниковъ съ порукою, не зная объ ихъ расколѣ, съ тѣхъ брать пени“.

„У раскольниковъ, у которыхъ объявятца дворы и помѣстья, и вотчины, и лавки, и инья промыслы, и заводы, а также и по расколыщикахъ поручиковъ, которые ручались въѣдая и сосланы будутъ (за свою поруку) въ ссылки, и тѣ ихъ помѣстья и вотчины, и дворы, и лавки, и промыслы, и заводы отписывать на себя Великихъ Государей и продавать по оцѣнкѣ съ большой наддачей для того, что по такимъ сыскнымъ дѣламъ на прогони и посыльнымъ людямъ въ жалованье ихъ государскіе денежные казны исходитъ не малое число и т. д.“

Комментаріи къ этимъ правиламъ, кажется, излишни: въ каждомъ изъ нихъ есть то казнь, то огнесожженіе, то заключеніе, то ссылка, то кнутъ, то конфискація имущества, при чемъ не щадятся и тѣ, которые „раскаются“, „покорятся церкви“, и даже тѣ, кто хоть сколько-нибудь сочувствуетъ старовѣрамъ. „Разыскивать“ и „доносить на „раскольниковъ“ должны были рѣшительно всѣ, подъ угрозой лишенія должности или смертной казни: и духовенство, и военные, и гражданскіе чины, и каждый гражданинъ.

„Виноградъ Россійскій“—этотъ старообрядческій мартирологъ, написанный современниками той эпохи и наполненный кровью, томленіями, застѣнками, пытками, плахами, огнесожженіемъ, висѣлицами и прочими казнями даетъ до того сильную и яркую картину того страшнаго времени, что по прочтеніи книги давить тяжелый и ужасный кошмаръ отъ сочетанія призраковъ смерти съ клещами, трясками, дыбамъ, хомутами и живыми кострами,—сочетанія, предъ которыми блѣднѣютъ ужасы мрачнаго средневѣковья и утонченной испанской инквизиціи.

Но, когда вообразишь, что могло получиться отъ примѣненія на практикѣ свирѣпыхъ законовъ 1681—1685 годовъ, то краски автора „Винограда“—Семена Денисова кажутся совсѣмъ слабыми для изображенія этой глубоко-трагической эпохи въ религиозной жизни русскаго народа.

Вся исторія этой эпохи состоитъ изъ непрерывной бойни.

сплошныхъ казней, ссылокъ, сожженія въ срубахъ и на кострахъ, пожизненнаго заточенія въ сырыхъ подвалахъ и подземельяхъ, изъ висѣлицъ, плахъ, „дыбы“, вырванія ноздрей, „урѣзыванія“ языка и ушей, зарыванія живыхъ въ землю, наказанія батогами и кнутомъ, сажанія на цѣпь въ монастырскихъ казематахъ и т. п.

Даже на Петра I-го этого крутого и суроваго деспота, человѣка съ каменнымъ сердцемъ и желѣзнымъ характеромъ, спокойно смотрѣвшаго на истязанія на „дыбѣ“ и многочисленныя пытки въ застѣнкахъ „Преображенскаго приказа“, казнившаго, не дрогнувъ, собственноручно цѣлые десятки стрѣльцовъ и проч. и даже своего родного сына, — даже на него ужасы тогдашняго „градскаго закона“ не могли не произвести самага убійственнаго впечатлѣнія, и онъ говорил самъ о себѣ, что „отъ мысли о (казни) бунтовавшихъ стрѣльцовъ... всѣ уды во мнѣ трепещутъ, помысля о томъ, заснуть не могу“.

Мы уже видѣли, что сигналъ всему этому далъ соборъ 1666 года, который постановилъ предавать „раскольниковъ“ не только церковнымъ наказаніямъ, но наказывать „и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“.

Этой же политики держались и всѣ его послѣдователи, лишь привнеся въ нее еще больше іезуитизма. Такъ, Питиримъ, епископъ нижегородскій, ренегатъ старообрядчества, отличавшійся свирѣпыми репрессіями противъ хранителей старины, современникъ Петра I, самоувѣренно заявлялъ въ „Пращицѣ“: „Аще въ ветхозавѣтной церкви непокорныхъ повелѣно убивать, кольми паче въ новой благодати подобаетъ наказанію и смерти предавати непокоряющихся восточной церкви. Понеже тамо сѣнь, здѣ-же благодать (sic!); тамо образы, здѣ-же истина: тамо агнецъ, здѣ-же Христосъ: тамо манна и вода изъ камне, здѣ-же тѣло Христово и кровь, изъ ребръ Его истекшая, и прочая таковая, оныхъ древнихъ превосходящая. Не токмо убо древле, но и въ новой благодати, непокоряющихся и преслушателей святая церковь, повелѣваетъ намъ Христосъ Спаситель имѣти ихъ яко язычниковъ и мытарей. У Матвея бо, въ главѣ VII, глаголетъ Христосъ: аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь: еретики же и раскольщики не суть сынове церкви, но сущіи преслушницы, убо достойни суть преданы быти къ наказанію гражданскаго суда.“

Необходимо замѣтить, что книга „Пращица“ издана была много разъ съ благословенія высшаго органа господ-

ствующей церкви—Синода, и поэтому антихристіанское ученіе Питирима о казни еретиковъ и непокорниковъ теряетъ характеръ личнаго мнѣнія, обращаясь во взглядъ всей церкви.

Другой современникъ Петра I—митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патриаршества и первый „президентъ“ Синода, въ своей книгѣ „Камень Вѣры“, также изданной много разъ съ благословенія Синода, говоритъ по тому же вопросу не менѣе опредѣленно: „Златоустъ святой съ прочими татей и разбойниковъ толкуетъ быти еретиковъ... Но что творить судъ татемъ и разбойникамъ?.. Не убиваетъ ли тыя?.. Таковой еретикамъ творити достоинъ... Иного на еретиковъ врачеванія нѣсть паче смерти“.

Въ одномъ изъ „доношеній“ Петру, перечисляя и рекомендуя ему многоразличные способы „смирять раскольниковъ“, Питиримъ заявляетъ: „А мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединяти будемъ“, — дабы, по его словамъ, — „не дать имъ знаку, что ихъ гонять“.

Въ составленной на основаніи этого „доношенія“ собственноручной инструкціи Петра I, между прочимъ, говорилось: „Вожаковъ и учителей расколическихъ, буде возможно явную вину сыскавъ кромѣ раскола, съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеры, и буде нѣтъ причины явной, то чинить съ ними по словесному указу“.

Для сужденія о томъ, каковъ былъ вообще въ то ужасное время характеръ „градскаго закона и казненія“, дастъ хорошій матеріалъ документъ XVIII столѣтія, извлеченный изъ дѣлъ „тайной канцеляріи“, подъ названіемъ: „Обрядъ, како обвиненный пытается“.

Этотъ крайне интересный документъ гласитъ: „Для пытки прилучившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бывають судьи и секретарь, и для записки пыточныхъ речей подъячей; і, въ силу указа 742 года, велено, записавъ пыточные речи, крѣпить судьямъ невыходя изъа стѣнка.“

„Взастенке же для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны землю, а третей сверху, поперегъ.“

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явится долженъ взастенокъ съ своими инструментами, а оные есть: хомуть шерстяной, к которому пришта веревка долгая, кнутъ, і ремень, котормъ пытанному ноги связываютъ.

дарственной короной и тѣмъ потерявши всякій авторитетъ и довѣріе паствы и свою опору въ народѣ, іерархія того времени, естественно, не могла удержать самостоятельности вѣренной ея попеченію и руководительству церкви, которая совсѣмъ легко сдѣлалась добычею свѣтскаго правительства, попала въ „вавилонскій плѣнъ“, подъ иго мертвящей государственной опеки.

Петръ I, предъ которымъ всегда носилась тѣнь грознаго самодура Никона, долго державшаго въ своихъ рукахъ „тишайшаго“ Алексѣя, предупреждая въ будущемъ самую возможность того, чтобы іерархія могла посягать, подобно Никону, на права государства, совсѣмъ упразднилъ въ русской церкви патріаршество, центръ ея организациі, тогда какъ для этого достаточно было патріарха подчинить собору, а соборы—народному контролю. Въмѣсто патріарха онъ учредилъ такъ-называемый „Святѣйшій Синодъ“, первоначально названный просто „коллегіумъ“. Изъ этого неслыханнаго отъ вѣка въ церкви учрежденія онъ сдѣлалъ складной и разборный манекенъ, а ключъ отъ этого механизма взялъ себѣ въ карманъ.

Съ этого времени даже принципиально народъ окончательно лишился права выбора и удаленія іерарховъ, контроля надъ ними, соборнаго управления и свободнаго распоряженія своею приходскою жизнью, самоуправления, утерявъ тѣ начала, которыя составляютъ сущность церковной жизни, силы и несокрушимости.

Отколовшись однажды отъ ученія древней православной церкви и лишившись черезъ это духовной силы и Божіей благодати, господствующая церковь не могла уже сохранить равновѣсія, быстро покатила по наклонной плоскости и заблудилась въ дебряхъ лжеученій латинскихъ, протестантскихъ и т. под. Особенно пагубныя послѣдствія для господствующей церкви имѣла произведенная въ ней реформа Петромъ I—уничтоженіе соборности и т. д.

Раздѣливъ церковь на непогрѣшимую „учащую“ (епископовъ) и „учимую“ (народъ), обязанную лишь слѣпо подчиняться, низведши народъ, это тѣло церкви и источникъ ея силы и мощи, на степень неразумнаго и безсловеснаго стада, „быдла“, лишивъ его исконнаго права на голосъ и контроль въ дѣлахъ вѣры и церкви, обособившись отъ него въ замкнутую касту, не имѣя въ немъ своихъ корней и опоры, духовенство господствующей церкви легко сдѣлалось добычей государства, подчинилось ему, пошло въ услуженіе къ мірской

власти и лишилось авторитета и довѣрія. Господствующая церковь сдѣлалась казеннымъ вѣдомствомъ, государственной, или вѣрише—правительственной.

Народъ ищетъ въ ней правды и свѣта, онъ томится отъ духовнаго голода и жажды. Но что можетъ дать ему государственная церковь, превращенная въ „вѣдомство православнаго исповѣданія“, эта огромная мертвая бюрократическая канцелярія, служащая однимъ изъ рычаговъ бездушнаго государственнаго механизма, если она сама алчетъ и жаждетъ, что могутъ дать ему профессиональные отпавители культа, обирающіе его отъ рожденія до могилы? Народъ, особенно за послѣднее время, бѣжитъ изъ господствующей церкви тысячами въ секты, даже въ магометанство и язычество, или дѣлается невѣрующимъ. По признанію самихъ ея присяжныхъ защитниковъ-миссіонеровъ, въ ней едва найдется 3—5% вѣрующихъ, искреннихъ и убѣжденныхъ послѣдователей. И вотъ, не согрѣтая пламенемъ вѣры и свѣтомъ упованія, не способная на подвигъ и духовную борьбу, она, или вѣрише—ея духовенство и миссіонеры, умоляютъ нынѣ мірскую власть вернуть старыя времена и спасти ее отъ распада страхомъ государственнаго меча и насиліемъ, явно показывая этимъ, что она лишилась Духа Божія, потому что „идѣже Духъ Господень, ту свобода“.

Когда въ 1700 году умеръ послѣдній, десятый по счету, патріархъ Адріанъ, Петръ I назначилъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола Стефана Яворскаго, рязанскаго митрополита. Въ 1721 году умеръ и Стефанъ Яворскій. Петръ I провозгласилъ тогда себя главою церкви, уничтожилъ соборы, а вмѣсто патріарха учредилъ, наравнѣ съ другими коллегами (министерствами), духовную коллегію, по имени „Святѣйшій Синодъ“, поставивъ надъ нимъ свѣтскаго чиновника—„оберъ-прокурора“. Въ настоящее время синодъ состоитъ изъ трехъ митрополитовъ: Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго, нѣсколькихъ архіереевъ, вызываемыхъ для присутствія въ немъ по усмотрѣнію оберъ-прокурора, и нѣкоторыхъ лицъ изъ столичнаго „блага“ духовенства. Надъ этимъ учрежденіемъ поставленъ „оберъ-прокуроръ“, который пользуется неограниченной властью и правомъ опротестовать любое рѣшеніе синода и не дать ему хода, а также (косвеннымъ путемъ) переводить архіереевъ съ кафедръ на кафедру, увольнять на покой, награждать и т. д. Такое учрежденіе, безусловно, неканонично и противно ученію церкви, долженствующей управляться ежегодными соборами и быть независимой

мой отъ мірской власти. Св. Аѳанасій Великій, напримѣръ, говоритъ по этому поводу: „Сіе есть истинная мерзость запустѣнія, егда мірскій князь церковнымъ судамъ предсѣдять“.

Главные заблужденія послѣдователей господствующей церкви.

Божественное назначеніе церкви состоитъ въ томъ, чтобы спасти души и совершить личную и общественную жизнь людей, сохраняя истину и накопленный вѣками коллѣктивный церковный разумъ и опытъ, какъ нѣкій сосудъ, наполненный перлами ума и святой жизни выдающихся сыновъ церкви, въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, чрезъ всѣ поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило и надежный критерій. И понятно, почему православный народъ въ лучшей своей части грудью возсталъ на защиту этого сокровища церкви, на чистоту котораго покушался бывшій патріархъ Никонъ, понимая, что дѣло Никона—только „начало болѣзней“, конецъ которыхъ—полное крушеніе и гибель.

Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго того момента, когда господствующая церковь своими заблужденіями и клятвами отдѣлилась отъ св. церкви и вселенскаго православнаго ученія, она сбилась съ прямого евангельскаго и церковно-каноническаго пути, по которому почти тысячу лѣтъ шель русский православный народъ, запуталась въ подлогахъ и противорѣчіяхъ, заблудилась въ еретическихъ потемкахъ, въ латинскихъ дебряхъ и протестантскомъ болотѣ, утратила чистоту христіанскаго ученія и нравовъ, погубила церковную правду и жизнь. И чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Разъ ставши на путь не евангельскій, на путь лжи и неправды, господствующая церковь на этомъ не могла уже остановиться и покатила, словно по наклонной плоскости. Новые авторитеты, греки и кіевскіе ученые монахи, какъ Симеонъ Полоцкій и другіе, получившіе воспитаніе и образованіе у іезуитовъ и протестантовъ и ставшіе теперь близъ церковнаго кормила, насадили свое „зеліе“ и на русской почвѣ, и заблужденія стали расти, какъ грибы. Для ихъ оправданія и утверждения прибѣгли даже къ подлогамъ, сфабриковавъ, между прочимъ, „соборное дѣяніе на еретика армянина Мартына—мниха“ и „Феогностовъ требникъ“. Въ этихъ фальшивыхъ документахъ утверждалось, что старые обряды будто-бы выдумалъ еретикъ Мартынъ-армянинъ, никогда не бывшій, за что будто-бы былъ осужденъ соборомъ 1157 года, тоже никогда не бывшимъ, что все это подтвер-

ждаетъ и „Феогностовъ требникъ“, на самомъ дѣлѣ никогда не писанный св. Феогностомъ.

Благодаря тому, что „новые учителя“ и руководители свое воспитаніе и образованіе получили въ двухъ разныхъ и противоположныхъ лагеряхъ—у латинъ и протестантовъ, тяжести, равновѣсіе, устойчивость, независимость и самобытность, особенно со времени Петра I-го, которому все религиозное и церковное было столь противно, что онъ въ самомъ Успенскомъ соборѣ не стѣснялся устраивать шутовской маскарадъ, кощунственный „всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ“. Два вполне достойные Петра I-го его сподвижники—Феофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій почти одновременно выступили яркими сторонниками двухъ противоположныхъ направленій въ богословской мысли господствующей церкви—протестанскаго и римско-латинскаго. И эта раздвоенность, это подчиненіе то одному, то другому влиянію, это окрашиваніе богословской системы господствующей церкви то одной, то другой краской, а то и полная мѣшанина, въ зависимости отъ наличныхъ историческихъ условий и случайностей каждаго даннаго момента, сохраняется и донинѣ.

Чтобы судить томъ, насколько далеко господствующая церковь ушла отъ нормъ чистаго ученія, каноновъ и преданій церкви съ того момента, какъ Никонъ выкинулъ свое знамя раздора, мы перечислимъ самыя главные заблужденія послѣдователей господствующей церкви, которыхъ въ обыденной жизни старообрядцы стали называть никонианами, или новообрядцами:

- 1) Богослуженіе они совершаютъ только по новымъ книгамъ, яко-бы исправленнымъ Никономъ, а старыя книги раньше отбирали и сожигали, какъ еретическія.
- 2) Въ 8 членѣ символа вѣры выбросили слово „истиннаго“ въ опредѣленіи Св. Духа.
- 3) Изображать на себѣ крестное знаменіе узаконили только троеперстно, а благословлять именовсловно, т.-е. такъ складывать пальцы, чтобы они изображали имя ІІ ХІ, по преданію нѣкоего Малаксы и вопреки клятвѣ древней православной церкви.
- 4) Въ церковныхъ ходахъ ходятъ не по теченію солнца, а противъ, вопреки церковному преданію и уставу.
- 5) Крестомъ Христовымъ почитаютъ только четырехко-

нечный, а восьмиконечный хулять „брынскимъ“ и „раскольническимъ“.

6) Имя Ісуса Христа пишутъ и произносятъ Іисусъ, а имя Іесусъ считаютъ „равноухимъ“, „чудовищнымъ и ничего не значущимъ“.

7) Аллилуія произносятъ трижды, а двоеніе аллилуіи считаютъ „богомерзкой македоніевой ересью“.

8) Служать литургію на 5 просфорахъ, утверждая въ своихъ книгахъ, что на 7 просфорахъ „не можетъ быть сущее тѣло и кровь „Христовы““.

9) При крещеніи младенцевъ допускаютъ латинское обливаніе, считая его за равносильное троекратному погруженію, хотя древняя церковь обливаніе не считала за истинное крещеніе, перекрещивая обливанцевъ.

10) Проповѣдуютъ еретическое ученіе о томъ, что мужской полъ одушевляется чрезъ 40 дней, а женскій чрезъ 80 дней по зачатіи.

11 Не считаютъ за грѣхъ нарушеніе постовъ и латинское бранобрітіе.

12) Допускаютъ браки съ иновѣрцами и браки въ запрещенныхъ церковью и соборами степеняхъ родства, даже между кровными родственниками.

13) Двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія, древнѣйшее церковное преданіе, засвидѣтельствованное и огражденное клятвою св. отцовъ и соборовъ, считаютъ аріанской, несторіанской и прочими злыми ересями, порицая его въ своихъ книгахъ „адовыми вратами, зминымъ и смертоноснымъ ядомъ, армянскимъ кукишемъ, демоносѣденіемъ и даже чортовымъ преданіемъ“.

14) Забросали страшными ругательствами и порицаніями и всѣ прочія древнія церковныя преданія, отринутыя Никономъ, жгли и уничтожали старыя книги и иконы съ изображеніемъ двуперстія и другими древними преданіями.

15) Вопреки ученію Господа Ісуса Христа никоніанскіе соборы постановили своихъ послушниковъ предавать мученіямъ, тѣлеснымъ наказаніямъ и смерти.

16) Прокляли и отлучили отъ Св. Троицы всѣхъ православныхъ христіанъ, которые осмѣлились бы молиться двуперстно и исполнять старыя обряды, осудивъ ихъ быть и по смерти „со Іудею предателемъ и съ распятыми Христа жидови и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками“.

17) Содержать еретическое ученіе о томъ, что церковь Христова дѣлится на учащую и учимую, при чемъ учащая,

т.е. епископы, непрогрѣшими и не могутъ всѣ заблуждаться въ вѣрѣ.

18) Уничтожили каноническое церковное устройство, утвержденное вселенскими и помѣстными соборами, и учредили Правительствующій Синодъ и консисторіи, чрезъ которыя свѣтская власть, считаемая главою церкви, всецѣло властвуетъ надъ нею и распоряжается въ дѣлахъ вѣры и управленія, постановленія епископовъ и т. п.

19) Содержать еретическое протестантское ученіе о томъ, что преданія церковныя, обряды и обычаи суть вещи „среднія“, „ко спасенію ненужныя“, и потому могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы.

20) Вопреки ученію Ісуса Христа узаконили клятву или присягу Самимъ Всемогущимъ Богомъ.

21) Признаютъ старообрядческое священство самозваннымъ, недѣйствительнымъ и въ то же самое время, вопреки канонамъ, принимаютъ отъ него крещеніе безъ повторенія, уподобляясь всѣмъ этимъ въ точности древнимъ еретикамъ, послѣдователямъ Люцифера Калаританскаго. Содержать и многія другія заблужденія.

Раздѣленіе старообрядцевъ на поповцевъ и безпоповцевъ.

Когда совершилось окончательное раздѣленіе между приверженцами старины, охранявшими авторитетъ и достоинство древней церкви, и сторонниками Никона, то первые лишились главнаго чина церковной іерархіи — епископовъ, такъ какъ одни изъ нихъ ушли во слѣдъ неправды, другіе, какъ, на примѣръ, Макарій Новгородскій, Марселль Вологодскій или Александръ Вятскій, вполне сочувствуя старинѣ, не рѣшились, однако, блага міра сего промѣнять на заключенія и даже смерть.

Въ самомъ началѣ на сторонѣ старовѣровъ оказался епископъ Павелъ Коломенскій. Никонъ и его сторонники епископа Павла жестокой карѣ, сосла-всполошились и немедленно, предавъ жестокой карѣ, сосла-всполошились и немедленно, предавъ жестокой карѣ, сосла-ли въ заточеніе несогласнаго епископа. Мѣстопробываніе его было обставлено строжайшей тайной, и никто почти не зналъ точно, куда онъ былъ сосланъ и гдѣ умеръ. Ходили разные слухи: одни утверждали, что онъ погибъ въ тундрахъ крайняго Сѣвера, другіе передавали, что онъ заключенъ въ Новгородскихъ предѣлахъ. Даже смерть его была обле-чена какою-то тайною, и по однимъ — онъ былъ сожженъ въ

срубъ, а по другимъ—замученъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторымъ почитателямъ его удалось какъ-то къ нему пробраться и даже слышать отъ него наставленія, полныя простоты душевной и твердой надежды на то, что Богъ не оставитъ народъ свой сирымъ. Эти наставленія Павла Коломенскаго приводятся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ-памятникахъ XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, безпощадная гоненія со стороны послѣдователей Никона лишили старообрядцевъ и послѣдняго своего епископа, необходимаго для хиротоніи іереевъ и управления церковью.

Время, между тѣмъ, шло. Число священниковъ, оставшихся вѣрными старинѣ, все уменьшалось. Священники, поставленные еще въ до-никоновское время, постепенно умирали, а поставлять новыхъ было некому. И предъ старовѣрами всталъ вопросъ: какъ быть? Одни рѣшили мѣста умершихъ священниковъ заполнять духовными лицами, бѣжавшими отъ притѣсненій, произвола, лихоимства и нечестія господствующей іерархіи. Приходилось установить чинъ, или обрядъ присоединенія такихъ лицъ въ старую вѣру. Припоминая наставленія протопопа Аввакума и епископа Павла Коломенскаго, изучая исторію и практику древней церкви относительно пріема въ свое общеніе еретиковъ и основываясь на канонахъ и ученіи отцовъ церкви, они нашли возможность принимать тѣхъ священныхъ лицъ господствующей церкви, которыя раскаются въ своихъ заблужденіяхъ, такъ-называемымъ „вторымъ чиномъ“, т.-е. чрезъ мѣропомазаніе, заставляя ихъ при этомъ проклинать ереси. Эта вѣтвь старообрядчества названа была пріемлющими священство, или поповцами (бѣглопоповцами).

Другіе старообрядцы нашли очень простой и легкій выходъ изъ столь затруднительнаго положенія. Подъ вліяніемъ жестокихъ и страшныхъ гоненій, они рѣшили, что наступило время послѣднее, вездѣ воцарился антихристъ, и въ частности въ господствующей церкви, и истребилъ вездѣ „жертву и жертвенники“ и прочія таинства, а потому истиннаго священства на землѣ не можетъ быть, и лучше остаться совсѣмъ безъ поповъ. Эти старообрядцы были названы безпоповцами.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что первоначально и безпоповцы, въ лицѣ извѣстныхъ своихъ руководителей, братьевъ Андрея и Семена Денисовыхъ—основателей знаменитаго Выговскаго общежитія,—не прочь были отъ принятія къ себѣ изъ новомудрствующихъ архіереевъ такого, который

обѣщался бы содержать старые обряды, о чемъ они вели даже письменные переговоры съ представителями поповцевъ, жившими въ польскихъ предѣлахъ, на Вѣткѣ. Но съ теченіемъ времени отчужденіе и рознь между поповцами и безпоповцами все возрастала, и безпоповцы отказались даже принципиально отъ возможности найти истинное священство.

Исканіе архіерейства.

Съ самаго начала раздѣленія послѣдователи Никона начали глумиться надъ старовѣрами, укорять ихъ за то, что у нихъ нѣтъ единомысленныхъ епископовъ.

Но вѣра въ силу добра и въ конечное торжество правды даже въ самыя тяжелыя времена не оставляла нашихъ предковъ. Сознывая недостатокъ своего положенія безъ епископовъ и желая видѣть церковь въ прежней полнотѣ, они заявляютъ въ „Діаконовыхъ Отвѣтахъ“ своимъ обличателямъ: „Всеусердно желаемъ и Господа Бога просимъ, да православніи епископы будутъ до скончанія вѣка, и иже отъ православія сведошася, дабы въ оно паки направилися.“ И если всмотрѣться пристальнѣе, то за всѣми мелочами мы увидимъ, что старообрядчество, признавъ въ силу необходимости возможность оставаться безъ епископовъ, если они впали въ заблужденіе, не успокоилось на этомъ, и его все время не оставляла мысль или объ отысканіи оставшагося вѣрнымъ православію архіерея, или объ обращеніи такового изъ никоніанства. Эта неотступная надежда протягивается красной нитью чрезъ всю исторію старообрядчества.

Въ душѣ приверженцевъ старины родилась легенда, что не всѣ епископы пали, что гдѣ-то на востокѣ живутъ древлеправославные епископы, которые должны спасти и подержать гонимую Церковь. Болѣе стойкіе, болѣе вѣрующіе и ревностные занялись отысканіемъ этихъ іерарховъ, путившись въ странствованіе по невѣдомымъ землямъ, а менѣе стойкіе, болѣе практическіе люди отказались отъ мысли о возможности отысканія этой обѣтованной земли.

Само собою разумѣется, что въ то мрачное и тяжелое для старообрядчества время, когда нельзя было даже показывать вида о принадлежности къ старой вѣрѣ, когда, даже принадлежа къ господствующей церкви, нельзя было изобразить на себѣ знаменіе креста двумя перстами, когда старообрядцамъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ

селахъ и деревняхъ, вслѣдствіе чего они массами эмигрировали въ сосѣднія государства, даже въ варварскую Турцію, или прятались на безлюдныя окраины, въ лѣса, трущобы и пустыни, — не было никакой возможности внутри Россіи обратитъ въ старообрядчество епископа, потому что даже глухія окраины, въ которыхъ дотолѣ, можетъ-быть, и нога человѣческая не ступала, и рѣчь человѣческая не слышалась, и которыя невольные бѣглецы, трезвые и трудолюбивые, превращали въ оазисы культуры, — не могли служить достаточно надежнымъ убѣжищемъ, такъ какъ и тамъ старообрядцевъ находили сыщики, и тамъ ихъ ловили и казнили.

И естественно взоры старообрядцевъ обращались тогда на Вѣтку, большое и богатое поселеніе, образованное бѣжавшими отъ гоненій старообрядцами, близъ русской границы, въ польско-литовскихъ владѣніяхъ, гдѣ польскій король и панъ Халецкій имъ покровительствовали, какъ честнымъ, аккуратнымъ, трезвымъ и трудолюбивымъ людямъ. Здѣсь долгое время старообрядцамъ жилось свободно, привольно и спокойно, и поэтому здѣсь впервые занялись серьезно мыслью объ архіерействѣ. Уже въ 1730 году вѣтковскіе старообрядцы обратились къ яскому митрополиту Антонію, прося его поставить для нихъ архіерея. Кандидатомъ былъ избранъ казначей Покровскаго монастыря на Вѣткѣ, инокъ Павелъ.

Политическое положеніе Молдавіи въ ту пору не позволяло ей ссориться съ русскимъ правительствомъ, такъ какъ Россія и Австрія представляли тогда два союзныхъ государства, и Молдавія могла оказаться между двухъ огней и даже трехъ, если принять въ расчетъ и Турцію, бывшую въ то время очень сильной. Понятно, что Антоній вынужденъ былъ медлить съ отвѣтомъ вѣтковцамъ, не желая втягивать Молдавію въ столкновеніе и конфликтъ съ русскимъ правительствомъ, центральное мѣсто политики котораго занимала тогда борьба съ старообрядчествомъ.

Въ слѣдующемъ году старообрядцы съ тою же просьбою обратились къ константинопольскому патриарху Паисію, который въ виду возможности турецкой войны тоже заискивалъ предъ Россіей и поэтому немедленно отвѣтилъ отказомъ.

Пришлось бросить прямой, открытый путь и дѣйствовать втихомолку.

Въ киево-печерскомъ монастырѣ жилъ въ то время способный, дѣловитый монахъ, по имени Епифаній. Его замѣтилъ киевскій архіепископъ и сдѣлалъ своимъ келейникомъ, а

потомъ и игуменомъ Козелецкаго Георгіевскаго монастыря. Вскорѣ, по желанію населенія, онъ былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго, но попалъ въ опалу. Онъ былъ обвиненъ въ различныхъ преступленіяхъ, схваченъ и приговоренъ къ заточенію въ Соловецкомъ монастырѣ. Но по дорогѣ, при помощи старообрядцевъ, Епифаній бѣжалъ и появился на Вѣткѣ въ качествѣ епископа, гдѣ успѣлъ поставить четырнадцать священниковъ.

Понятно, что никоніанскому духовенству было очень неприятно существованіе въ старообрядчествѣ епископа, и правительство приказало разыскивать его всюду. Узнавъ, что онъ на Вѣткѣ, большой отрядъ русскихъ войскъ переселъ границу, напалъ врасплохъ на Вѣтку, разорилъ ее до основанія, обитателей разогналъ, а Епифаній былъ схваченъ и снова заточенъ.

Но мысль о собственномъ епископѣ уже не оставляла старообрядцевъ. Изъ московскаго Воскресенскаго монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Новаго Іерусалима, бѣжалъ чернецъ Анфиногенъ, который утверждалъ, что поставленъ въ епископы по волѣ императора Ивана Антоновича. Принятый въ старообрядчество, онъ долго скрывался по берегамъ Днѣпра и Буга, потомъ бѣжалъ изъ Россіи въ Польшу. Когда распространился среди старообрядцевъ слухъ, что онъ самозванецъ, они поспѣшили отвергнуть Анфиногена. Былъ ли это дѣйствительно епископъ или самозванецъ, простой искатель приключеній, судить довольно трудно, такъ какъ не сохранилось никакихъ документальныхъ данныхъ по этому дѣлу. Довѣрять же голословнымъ утвержденіямъ противной стороны — очень рискованно.

Въ польскихъ предѣлахъ Анфиногенъ встрѣтился со старообрядческимъ инокомъ Анфимомъ, дѣятельнымъ членомъ, извѣстнымъ среди старообрядцевъ, и поставилъ его въ архіереи. Но вслѣдствіе слуховъ и сомнѣній относительно Анфиногена, и Анфима признавали далеко не всѣ старообрядцы. Онъ странствовалъ то въ Добруджѣ, то на Кубани, удовлетворяя духовныя потребности признававшихъ его старообрядцевъ. Но въ концѣ-концовъ онъ погибъ, будучи утопленъ казаками по обвиненію въ самозванствѣ.

Если господствующая церковь и старается умалить старообрядчество, указывая на примѣръ Анфиногена, то во всякомъ случаѣ ея укору являются несправедливыми и обращаются на ея же голову, потому что именно ея кровавая политика по отношенію къ старообрядчеству породила по-

добныя явленія, и честь тогдашнимъ старообрядцамъ за то, что при первомъ же появленіи слуховъ о самозванствѣ Анфиногена они отреклись отъ него, не стали защищать ложь и темное дѣло сознательно.

Въ 1755 году старообрядчество сдѣлалось неожиданно извѣстнымъ въ Европѣ.

Въ разгаръ борьбы между Россіей и Пруссіей, когда прусскій король Фридрихъ Великій искалъ всякихъ поводовъ для устройства затрудненій русскому правительству, въ Пруссіи находился старообрядецъ Иванъ Васильевъ Зубаревъ. Гоненія на однодѣрцевъ внушили ему мысль искать сочувствія и поддержки у иностранцевъ. Онъ появился на Вѣткѣ и сталъ уговаривать старообрядцевъ помочь ему увезти изъ Холмогоръ опальнаго императора Ивана Антоновича. Зубаревъ появляется сначала въ Лаврентьевскомъ скиту у игумена Евстафія, потомъ въ Спасскомъ—у игумена Варлаама. Но несмотря на гоненія, несмотря на то, что старообрядцы имѣли полное основаніе быть недовольными и почти ничѣмъ ни рисковали, живя въ чужихъ владѣніяхъ, они не захотѣли помочь Зубареву, и миссія его не имѣла успѣха. Въ концѣ-концовъ Зубаревъ попалъ въ руки тайной канцеляріи и тамъ окончилъ свою жизнь.

Тѣмъ не менѣе и эта исторія и даже, можетъ-быть, боязнь иноземнаго вмѣшательства, а также свободолюбивыя вѣянія въ Европѣ, экономическія причины—желаніе колонизировать пустынные окраины и т. п. заставили Петра III, а затѣмъ Екатерину II дать нѣкоторыя льготы старообрядцамъ, особенно возвращающимся изъ Польши въ низовье Поволжья и Приднѣпровскія степи.

Въ это время старая мысль о возвращеніи къ благочестію епископовъ опять ярко и сильно заговорила въ старообрядствѣ. Въ Москвѣ по этому поводу собрался даже соборъ, и на немъ, основываясь на одномъ событіи изъ исторіи Церкви, кто-то предложилъ было произвести хиротонію епископа съ помощью главы Юанна Златоуста, или руки митрополита Іоны, или вообще какой-либо святыни. Но это предложеніе, понятно, вызвало горячія возраженія, и подобная „хиротонія“ не состоялась.

Въ то время въ Москвѣ находился грузинскій митрополитъ Аванасій. Старообрядцы обратились къ нему за совѣтомъ, и онъ посоветовалъ имъ отправиться для этой цѣли въ Грузію. Но эта страна оказалась въ то время во власти персовъ, которые отрѣзали всѣ пути сообщенія.

Приблизительно въ то же время старообрядцами были отправлены изъ Стародубскихъ слободъ инокъ Рафаилъ въ Антиохію и тамъ поставленъ въ епископы, но на обратномъ пути въ Россію онъ скончался.

Въ 1770 годахъ въ старообрядствѣ происходили большіе споры по поводу чинопріема священнослужителей господствующей церкви въ старообрядчество чрезъ муропомазаніе. Такъ-называемые „діаконовцы“ считали необходимымъ приотъ ересей. Въ 1771 году въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ происходилъ новый соборъ старообрядцевъ по поводу исканія епископа, а главное—по вопросу о чинопріемѣ, споры о которомъ не привели къ соглашенію и заслонили вопросъ о епископствѣ.

Притомъ же переходъ священниковъ въ старообрядчество былъ тогда вполнѣ свободенъ до самыхъ временъ Николая I. Поэтому вопросъ о приисканіи епископа потерялъ свою остроту, хотя мысль объ этомъ не умирала. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ почти литературныхъ памятникахъ того времени, особенно полемическихъ, написанныхъ противъ безпоповцевъ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ традиционное горячее желаніе возвращенія епископовъ на путь правды и благочестія.

Но съ 1830 годовъ, когда суровыя мѣры Николая I готовы были уничтожить и послѣднихъ старообрядческихъ священниковъ, а враги готовы были трубить свою побѣду, мысль о необходимости разъ навсегда положить конецъ зависимости старообрядчества отъ всякихъ случайностей внѣшняго характера—снова встала властно и повелительно предъ старообрядчествомъ.

Безпоповство и его развѣтвленія.

Совершенное лишеніе священства имѣло для безпоповцевъ весьма тяжелыя послѣдствія и послужило одной и самой главной изъ причинъ дробленія безпоповства на много отдѣльныхъ толковъ и согласій. Практическое разрѣшеніе вопроса о бракѣ безъ священства сразу же раздѣлило безпоповцевъ на два враждебныхъ лагеря. Одни рѣшили, что и безъ священства законный бракъ можетъ состояться, что церковное вѣнчаніе простой и не важный обрядъ, не имѣющій обязательнаго догматическаго значенія, что достаточно

согласія самихъ брачущихся и ихъ родителей. Это — брачники или поморцы, названные такъ первоначально по мѣсту жительства. Другіе, считая, согласно съ ученіемъ церковнымъ, что безъ священническаго вѣнчанія не можетъ быть брака, но „беззаконное блудническое смѣшеніе“, рѣшили, что болѣе не можетъ существовать законнаго брака, а по тому нужно всѣмъ быть дѣвственными, не жениться и не ходить замужъ. Но высокая сама по себѣ, эта мысль практически привела этихъ безпоповцевъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ: тонкому разврату и т. п. Эти старообрядцы назвались безбрачными, или еодосеевцами, по имени своего родоначальника, или старо-поморцами.

И тѣ и другіе безпоповцы обращающихся отъ господствующей церкви стали принимать не иначе, какъ черезъ вторичное крещеніе, считая, что тамъ царствуетъ съ 1666 г. антихристъ, и что еретическое крещеніе не освящаетъ, а только оскверняетъ. Но нѣкоторые безпоповцы, согласные во всемъ съ поморцами-брачниками, называемыми еще пере-крещенниками, рѣшили отъ господствующей церкви не прекрещивать, такъ какъ, по ученію Церкви, крестить снова уже крещенныхъ во имя св. Троицы и трехпогружательно, хотя бы и еретиками, — значитъ „снова распинать Христа“. Это — спасовцы или нѣтовцы. Всѣ эти безпоповцы разбились, въ свою очередь, на нѣсколько болѣе мелкихъ согласій. Изъ безпоповцевъ же образовалось согласіе „странниковъ“, которые и господствующую церковь, и теперешнее государство считаютъ зараженными духомъ послѣдняго антихриста, а потому скрываются, не платятъ податей, не берутъ денегъ и паспортовъ, не идутъ въ солдаты и т. п.

Среди безпоповцевъ особенно прославились ученые братья князя Андрей и Семень Денисовы Мышецкіе, получившіе образованіе въ Кіевской духовной коллегіи, основанной митрополитомъ Петромъ Могилой, и написавшіе знаменитые и въ исторіи старообрядчества и въ исторіи вообще русской литературы и письменности „Поморскіе Отвѣты“ на вопросы никоніанъ, гдѣ излагается вѣроученіе старообрядцевъ, и опровергаются никоніанскіе подлоги и заблужденія, и „Виноградъ Россійскій“, или жизнеописаніе старообрядческихъ мучениковъ, пострадавшихъ отъ Никона и его послѣдователей за древлецерковное благочестіе.

Главными религіозными центрами старообрядцевъ-безпоповцевъ были сначала знаменитыя Выговскія обители, мужская и женская, основанныя старообрядцами-поморцами

въ Онежскомъ краѣ, на рѣкѣ Лексѣ, и приведенныя въ дѣйствующее состояніе бр. А. и С. Денисовыми. До нашего времени эти общезжитія не уцѣлѣли, будучи разорены послѣдователями Никона. Духовнымъ центромъ безпоповцевъ-безбрачниковъ съ 1771 года до настоящаго времени числится Преображенское кладбище въ Москвѣ, основанное извѣстнымъ Ильею Алексѣевичемъ Ковылинымъ.

Поповцы и учрежденіе „единовѣрія“.

Поповцы, рѣшивъ принимать къ себѣ бѣжавшихъ отъ господствующей церкви поповъ и епископовъ, такъ и пощенники исполняли у нихъ все время и непрерывно свя-муро, чтобы оно не перевелось, старообрядцы, по наставленію церковныхъ учителей, разбавляли масломъ. Нѣкоторые поповцы, впрочемъ немногіе, принимали священниковъ отъ господствующей церкви безъ муропомазанія, лишь съ проклятіемъ ересей. Они назывались діаконовцами. Въ исторіи поповцевъ болѣе всего извѣстны: священноинокъ Θεодосій, начавшій принимать священниковъ отъ господствующей церкви чрезъ муропомазаніе, мученикъ-діаконъ Александръ, написавшій извѣстные „Діаконовскіе или Керженскіе Отвѣты“ на вопросы никоніанскаго епископа Питирима и за это поплатившійся головою, а также инокъ Никодимъ, умный и даровитый писатель, написавшій большую книгу въ защиту старины, извѣстную подъ именемъ „Никодимовыхъ Статей“, и другіе.

Главными религіозными центрами старообрядцевъ-поповцевъ были: Вѣтка и Стародубскія слободы (Черниговской губ.), Керженскіе скиты (Нижегород. губ.), Иргизскіе монастыри (Самарской губ.), Донъ, Кавказъ, Яикъ (нынѣ Ураль), Сибирь и Пермскій край, Рогожское кладбище въ Москвѣ и другіе.

Часть поповцевъ, главнымъ образомъ — діаконовцевъ, въ 1800 году приняла унію съ никоніанской церковью, т. е. подчинилась Синоду и архіереямъ, принимая отъ нихъ священниковъ, подъ условіемъ службу совершать по старымъ книгамъ. Они названы единовѣрцами. Часть изъ нихъ сдѣлалась со временемъ безразличными, потерявъ приверженность къ старинѣ. Другіе и доннынѣ дорожатъ завѣтами предковъ, добиваются независимаго старообрядческаго епископа и тяг-

тѣютъ къ старообрядчеству, не желая быть въ двусмысленномъ и странномъ положеніи не то православныхъ, не то раскольниковъ, такъ какъ клятвы соборовъ 1656—1667 гг. за содержаніе старыхъ обрядовъ до сихъ поръ не отмѣнены.

Бѣлокриницкая іерархія.

Какъ мы уже видѣли, и духовное и гражданское правительство съ самаго начала церковнаго раздѣленія обрушилось на старообрядцевъ всею тяжестью жестокихъ гоненій. Съ теченіемъ времени, въ царствованіе Петра III и Екатерины II старообрядцамъ были даны льготы и нѣкоторая свобода вѣры и богослуженія. Такъ продолжалось до времени Николая I, который по навѣтамъ архіереевъ господствующей церкви снова воздвигъ на старообрядцевъ гоненіе и рѣшилъ уничтожить у нихъ священство, такъ какъ онъ думалъ, что единовѣріе не прививается потому, что у старообрядцевъ много священниковъ. Изданъ былъ приказъ, чтобы старыхъ поповъ и молитвенныхъ зданій не трогать, а новыхъ не допускать. Благодаря этому, со смертію многихъ прежнихъ священниковъ, священство у старообрядцевъ стало изсякать. Лучшие люди въ старообрядцествѣ задумались, какъ быть, что дѣлать? Начались „соборы“ и совѣщанія, конечно, тайныя, въ Петербургѣ, въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и въ другихъ мѣстахъ. Пришла на память старая мысль—приобрѣсти своего епископа. Но въ Россіи объ этомъ и помышлять было нельзя. Надумали устроить такого епископа за границей, у своихъ единокровныхъ братьевъ по вѣрѣ, бѣжавшихъ въ разное время отъ гоненій въ Австрію, Турцію, Пруссію, Швецію и т. д., чтобы изъ-за границы снабжать священствомъ старообрядцевъ, живущихъ въ Россіи, которые въ 1840 годахъ начали ощущать „великую скудость“ въ священникахъ. Посланъ былъ даровитѣйшій инокъ Павелъ Васильевъ въ „странствіе“—поискать сначала, не остался ли гдѣ-нибудь, какъ давно объ этомъ ходила легендарная молва, вѣрный старинъ епископъ, а если такового не найдется, подыскать епископа, который согласится перейти въ старообрядчество отъ еретиковъ, и водворить его за границей, гдѣ его не могла бы достать рука русскаго правительства.

Послѣ слишкомъ десятилѣтняго странствованія, неуспѣшныхъ трудовъ и исканій великаго подвижника, постника и

аскета-инока Павла, человѣка, которому, по общему признанію, послѣ протопопа Аввакума, нѣтъ равнаго во всей исторіи старообрядчества, человѣка огромнаго ума и начитанной энергіи, онъ достигъ осуществленія завѣтнаго и необычайнаго желанія и вѣковыхъ стремленій старообрядцевъ—имѣть своего епископа и независимое священство. Обойдя Кавказъ, Аравію, Палестину, Египетъ и все побережье Чернаго моря, и не найдя ни одного вѣрнаго древней церкви епископа, а также и убѣдившись изъ личнаго обозрѣнія, что греческая церковь строже относится къ соблюденію чистоты крещенія, совершая его непременно въ три погруженія, тогда какъ русская церковь креститъ и обливательно, онъ рѣшилъ, что епископа лучше принять отъ греческой церкви.

Еще ранѣе устроивши въ Бѣлой Криницѣ въ Австріи монастырь и испросивши разрѣшеніе у австрійскаго правительства основать въ немъ епископскую кафедру и привезти изъ-за границы архіерея, онъ теперь, вмѣстѣ съ сотрудникомъ своимъ инокомъ Алимпіемъ Милорадовымъ, убѣдиль перейти въ старообрядчество находившагося на покоѣ въ Константинополѣ греческаго митрополита Амвросія, ранѣе бывшаго Боснійскимъ, но изгнаннаго оттуда турецкими пашами, притѣснявшими народъ, за то, что этотъ владыка, по сказанію боснійской лѣтописи, „человѣкъ святой и безкорыстный, много заботился о бѣдныхъ и сиротахъ, заступался за обиженныхъ и притѣсняемыхъ и не терпѣлъ неправды“. 27 октября 1846 года митрополитъ Амвросій былъ присоединенъ къ старообрядчеству чрезъ мвропомазаніе и началъ въ Бѣлой Криницѣ поставлять старообрядцамъ священниковъ и діаконовъ, а также поставилъ себѣ въ преемники епископа Кирилла, въ мѣрѣ Кипріана Тимофеева, изъ уставщиковъ Бѣлокриницкой церкви, и тѣмъ освободилъ старообрядчество отъ многолѣтняго и тяжелаго лишенія, вселивъ въ него новую бодрость и новую энергію, новыя надежды и упованія. Но чрезъ 14 мѣсяцевъ, когда слухъ обо всемъ этомъ дошелъ до русскаго Синода и Николая I, вслѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства русскаго правительства, грозившаго за неисполненіе даже войною Австріи, митрополитъ Амвросій, отказавшійся возвратиться къ константинопольскому патріарху, звавшему его на лучшую кафедру, сосланъ былъ въ городъ Цилль, гдѣ чрезъ 15 лѣтъ своего заточенія и скончался, вѣрный старообрядчеству, 30 октября 1863 года.

Преемникъ митрополита Амвросія—Кирилль продолжалъ поставлять священнослужителей для заграничныхъ и русскихъ старообрядцевъ, и старообрядческое священство, въ обыденной жизни прозванное бѣлокриницкимъ, или „австрійскимъ“, стало распространяться.

• Преемникомъ м. Кирилла былъ Аѳанасій епископъ Браиловскій, возведенный въ санъ митрополита Бѣлокриницкаго, управлявшій заграничными старообрядцами до своей кончины, послѣдовавшей въ 1905 году.

На мѣсто м. Аѳанасія былъ возведенъ епископами российской области нынѣ здравствующій митрополитъ Макарій Бѣлокриницкій. За границей подъ вѣдѣніемъ бѣлокриницкаго митрополита существуютъ еще двѣ епископскихъ кафедры: славская и тульчинская въ Добруджѣ, въ Румыніи.

Раздоръ „бѣглопоповцевъ“.

Часть старообрядцевъ - поповцевъ, повѣривъ клеветѣ господствующаго духовенства, которую при тогдашнихъ условіяхъ трудно было провѣрить, будто еще до перехода въ старообрядчество митрополиту Амвросію было запрещено священнодѣйствовать, и не провѣренному ложному слуху, будто въ греческой церкви всеобдержно крещеніе совершается обливаніемъ, — не приняла старообрядческой іерархіи, оставшись на прежнемъ положеніи. Эти старообрядцы донынѣ носятъ названіе бѣглопоповцевъ. Дальнѣйшая исторія ихъ священства, какъ сейчасъ увидимъ, очень сомнительна, такъ какъ непрерывная преемственность отъ предковъ въ ихъ священствѣ не сохранилась.

Митрополитъ Кирилль 3 февраля 1853 года рукоположилъ въ епископы приняшаго Бѣлокриницкое священство инока Антонія, бывшаго казначея Московскаго Преображенскаго кладбища, главнаго центра безпоповцевъ - еедосеевцевъ. Антонія назначили въ Россію архіепископомъ Владимирскимъ и всея Россіи и отправили въ Москву, гдѣ старообрядцы Рогожскаго кладбища, главнаго центра старообрядцевъ - поповцевъ, во главѣ со своими двумя священниками, принятыми отъ господствующей церкви, изъ которыхъ старшимъ считался о. Іоаннъ Матвѣевичъ Ястребовъ, подчинились ему и признали его своимъ архипастыремъ. Авторитету Рогожскаго кладбища послѣдовали и прочіе старообрядцы, между прочимъ, тульскіе, во главѣ со своимъ

священникомъ о. Павломъ. Необходимо замѣтить, что къ этому времени, вслѣдствіе принятыхъ Николаемъ I извѣстныхъ мѣръ, у старообрядцевъ остались во всей Россіи только названные три священника — два на Рогожскомъ кладбищѣ и одинъ въ Тулѣ. Всѣ они, какъ уже сказано, признали безпрекословно архіепископа Антонія, приняли отъ него благословеніе, подчинились ему и стали почитать смотрительно отобрать у нихъ древнее муро, разбавляемое по нуждѣ масломъ, и вручили имъ вновь освященное митрополитомъ Амвросіемъ. Одинъ рогожскій священникъ, о. П. Е. Русановъ, вскорѣ уклонился въ единовѣріе; о. І. М. Ястребовъ умеръ въ мирѣ и единеніи съ архіепископомъ; а о. Павелъ Тульскій, когда архіепископъ Антоній, по просьбѣ тульскихъ приходскихъ попечителей храма, захотѣлъ ограничить его за распушенную жизнь, не подобающую священнику, и пристрастіе къ хмѣльнымъ напиткамъ, — рѣшилъ снова отдѣлиться отъ архіепископа. Въ этомъ рѣшеніи сыграли большую роль и его гордость и корыстолюбіе. Привыкнувъ къ безначалію, являясь почти единственнымъ священникомъ на всю Россію, онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его власть и доходы урѣзываются, поставляются вездѣ священники и епископы, и что имъ ужъ не такъ дорожать, какъ прежде, контролируя его жизнь и поведеніе.

Люди, не хотѣвшіе признавать новый порядокъ вещей и жаждавшіе раздора, крѣпко уцѣпились за о. Павла Тульскаго и уже смѣло объявили бѣлокриницкое священство неправильнымъ, забывая, что о. Павелъ былъ въ общеніи съ архіепископомъ Антоніемъ и остался не исправленнымъ отъ этой „ереси“, такъ какъ исправить было некому.

Такимъ образомъ каноническое требованіе о „непрерывномъ другопреемствѣ священства“ было у бѣглопоповцевъ нарушено, и ихъ духовная связь съ предками порвалась.

Впослѣдствіи о. Павелъ Тульскій принялъ въ свое согласіе еще двухъ священниковъ отъ господствующей церкви: о. Дмитрія Бѣляева и о. Петра Березовскаго, отъ которыхъ въ настоящее время и существуетъ у бѣглопоповцевъ священство.

Но стараясь указать „въ глазу брата своего сучекъ“, бѣглопоповцы не замѣтили, какъ въ ихъ собственномъ глазу оказалось „бревно“.

Дѣло въ томъ, что оба названные бѣглопоповские священники были поставлены отъ архіереевъ - „обливанцевъ“.

т.-е. крещенных обливательно, а отъ таковых по учению древней русской церкви и по постановленію нашихъ предковъ священство принимать нельзя, и слѣдовательно законность теперешняго бѣглопоповскаго священства подвержена большому сомнѣнію. О. Дмитрій былъ поставленъ отъ Калужскаго архіепископа Григорія Миткевича, малоросса („хотла“), родомъ изъ села Жуковки Черниговской губерніи, а о. Петръ отъ Нижегородскаго епископа Іакова, родомъ изъ Кіевской губерніи, отъ котораго еще въ Иргизскихъ монастыряхъ, за которыми въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій числилось духовное первенство и руководительство въ старообрядчествѣ, приѣмлющемъ священство, — было постановлено не принимать священниковъ, именно потому, что Іаковъ — „обливанецъ“. Да и сами бѣглопоповцы ни прежде, ни послѣ принятія священника Петра никого болѣе отъ епископа Іакова не принимали.

Такимъ образомъ, и о. Дмитрій и о. Петръ были поставлены архіереями, уроженцами западно-русскихъ губерній; между тѣмъ общезвѣстно, что въ этихъ губерніяхъ до самаго послѣдняго времени крещение совершалось въ господствующей церкви обливаніемъ, и лишь къ девяностымъ годамъ XIX столѣтія церкви, по распоряженію Синода, обзавелись купелями, хотя и сейчасъ есть мѣста, гдѣ эти купели лежатъ безъ употребленія.

Сомнѣваясь въ виду этихъ причинъ въ правильности священниковъ Дмитрія и Петра, лужковскіе (Черниговской губ.) старообрядцы - бѣглопоповцы рѣшили тогда принять къ себѣ священника Бориса, но такъ какъ „истиннаго“ священника не было, и „исправить“ Бориса было некому, то они собрались въ моленную, поставили Бориса предъ царскими вратами и заставили его проклясть ереси; этой „исправой“ дѣло и ограничилось.

Изъ такихъ сомнительныхъ „корней“ выросло теперешнее священство у бѣглопоповцевъ, духовныхъ близнецовъ старообрядцамъ, принявшимъ бѣлокриницкую іерархію. Несмотря на это, они отвращаются отъ своихъ братьевъ по вѣрѣ, гордятся своей „чистотой“ и тѣмъ, что „остались вѣрны предкамъ и тому положенію, въ которомъ и они жили“. Нужно замѣтить, что вслѣдствіе безначалія, безсовѣтія и плохой, порочной жизни своихъ священниковъ, переходящихъ изъ господствующей церкви болшею частью изъ корыстолюбія и низменныхъ, а не благочестивыхъ побужденій, бѣглопоповцы пришли за послѣднее время въ плачевное

положеніе и угадокъ и, чтобы избавиться отъ этого, рѣшили нынѣ приобрести отъ господствующей церкви своего епископа, каковое рѣшеніе несомнѣнно приведетъ ихъ по степенно къ сліянію и миру съ принявшими бѣлокриницкую іерархію.

Жизнь и дѣятельность архіепископа Антонія.

Когда правительство узнало о прибытіи въ Россію архіепископа Антонія, оно всполошилось, и за поимку его была назначена большая денежная награда; его искали масса сыщиковъ, но онъ съ неослабѣвающей бодростью, смѣлостью и энергіей продолжалъ свое дѣло, ютась по деревнямъ, на сѣновалахъ, задворкахъ и т. под. вплоть до 1862 года, когда его и все старообрядческое священство освободили по приказу Александра II отъ такого преслѣдованія. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ въ первые же два года онъ успѣлъ поставить 54 священника и нѣсколько епископовъ, учредивъ 12 епархій. Изъ поставленныхъ архіепископомъ Антоніемъ епископовъ Кононъ Новозыбковскій и Геннадій Пермскій вскорѣ были схвачены властями и заточены въ мрачныя и сырыя подземелья Суздальскаго каземата при Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, гдѣ эти страдальцы томились вмѣстѣ со схваченнымъ русскими войсками во время турецкаго похода въ 1850 годахъ, въ Добруджѣ, за границей, архіепископомъ Аркадіемъ, очень долгое время: Аркадій 27 лѣтъ, Кононъ 22 года, Геннадій 18 лѣтъ.

Архіепископъ Антоній строилъ храмы, снабжалъ ихъ книгами, иконами и церковной утварью, освятилъ за свою жизнь нѣсколько сотенъ „путевыхъ церквей“. Онъ собралъ массу рѣдкихъ древнихъ книгъ и рукописей, которыя нынѣ состоятъ въ библиотекѣ Рогожскаго кладбища, широко поставилъ дѣло развитія старообрядческой литературы и письменности, содержа нѣсколько писцовъ и начетниковъ, занимавшихся писаніемъ отвѣтовъ врагамъ старообрядческой церкви и сочиненій въ ея защиту. Изъ этихъ его учениковъ вышли многіе начетки, между прочимъ, извѣстный Оливиль Швецовъ, нынѣ скончавшійся епископъ Уральскій Арсеній, даровитый богословъ - самородокъ и теоретикъ старообрядчества, плодовитый писатель, человекъ святой жизни, большого ума и рѣдкихъ познаній въ области исторіи и церковнаго права, создавшій новую старообрядческую

литературу апологетического и полемического характера и обогатившей ее множеством своих сочинений.

Архиепископъ Антоній, человекъ недюжиннаго ума и способностей, и самъ много писалъ въ защиту древности, а также издавалъ печатно многія сочиненія свои и другихъ лицъ за границей. Вообще, это былъ единственный во всемъ старообрядствѣ архипастырь по своей неутомимой дѣятельности. Заботясь о духовной пищѣ для своихъ пасомыхъ, этотъ рѣдкій архипастырь не оставлялъ никого и въ матеріальной нуждѣ. Старообрядцы всей Россіи и за границы знали его, какъ щедрого благотворителя и помощника въ нуждѣ и несчастіи. Правленіе архіепископа Антонія продолжалось безъ малаго 29 лѣтъ, и за это время старообрядческое священство успѣло распространиться по всей необъятной Россіи, церковь оправилась отъ гоненій и окрѣпла.

Раздоръ изъ-за „Окружнаго Посланія“.

Но и при такомъ добромъ архипастырѣ, какъ архіепископъ Антоній, въ 60 годахъ въ старообрядческой церкви произошло большое несчастіе: печальный раздоръ, надолго нарушившій миръ и единство церковное. Случилось это такъ: старообрядцы Стародубскихъ слободъ (Черниговской губерніи) подали архіепископу Антонію прошеніе разъяснить имъ, какъ понимать о безпоповскихъ заблужденіяхъ, заключающихся въ собранныхъ ими 10 тетрадяхъ, будто имя Иисусъ, употребляемое никоніанской церковью, есть имя антихриста, „инаго Бога“, будто крестъ четвероконечный есть печать антихристова и т. п.

На эти распространенныя заблужденія былъ написанъ обстоятельный отвѣтъ извѣстнымъ начетчикомъ Иларіономъ Георгіевичемъ Кабановымъ, по прозванію Ксенось (странникъ). Но такъ какъ это дѣло было не мѣстное только, а касалось всѣхъ старообрядцевъ, изъ которыхъ многіе, даже нѣкоторыя духовныя лица, были заражены такими мнѣніями, то отвѣтъ этотъ рѣшили издать въ видѣ „Окружнаго Посланія“ ко всей паствѣ, каковое и выпущено было за подписью епископовъ въ 1862 году. Сторонники отвергнутыхъ „Окружнымъ Посланіемъ“ взглядовъ остались „посланіемъ“ очень недовольны и стали сѣять смуту въ темномъ народѣ. Нѣкоторые завистники и своекорыстныя лица, а также недовольные архіепископомъ Антоніемъ успѣли воспользо-

ваться этимъ и стали внушать темнымъ людямъ, что „архереи подписались въ никоніанскую церковь“. Личности, желавшія „въ мутной водѣ рыбу ловить“, поѣхали секретно въ Бѣлую Криницу и, такимъ же образомъ, обманувъ простодушнаго митрополита Кирилла, заставили его рукоположить нѣкоего Антонія епископомъ въ Москву. Когда впоследствии митрополитъ Кириллъ узналъ объ обманѣ, онъ лишилъ этого Антонія сана, но онъ не подчинился и поставилъ себя въ преемники нѣкоего Юсифа, а тотъ и другихъ.

Такъ произошла раздорническая іерархія и раздоръ „неокружниковъ“, т. е. противниковъ „Окружнаго Посланія“. Эта іерархія въ свою очередь разбилась на три страшна враждебныхъ лагеря, до взаимныхъ проклятій и лишеній сана, вслѣдствіе не столько религиозныхъ разномысліи, сколько честолюбія, властолюбія или порочности ихъ руководителей. Но по мѣрѣ того, какъ страсти улегались, сходили въ могилу заинтересованныя лица и исчезали внутренніе невидимые двигатели розни, по мѣрѣ того, какъ народъ спокойно сталъ всматриваться въ „Окружное Посланіе“, послужившее видимымъ предлогомъ раздора, онъ сталъ убѣждаться, что ничего особеннаго, противнаго церкви въ немъ нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и основательныхъ причинъ раздѣленія и вражды. Народъ сталъ тяготиться раздоромъ, и цѣлые приходы такъ-наз. „неокружниковъ“ стали постепенно, одинъ за другимъ, „мириться съ своими братьями по вѣрѣ, такъ-наз. окружниками“. Наконецъ, 5 іюня 1906 года они устроили съѣздъ, и огромное большинство тогда же, а другіе нѣсколько позднѣе, во главѣ со своими епископами, помирились съ „окружниками“. Въ настоящее время раздорниковъ остается ничтожная и количественно и духовно кучка въ Московской губерніи (Гуслицы) и частью на юго-западѣ. У нихъ 6 епископовъ, раздѣленныхъ на три враждебныхъ лагеря. Но прозрѣвшая паства и ихъ начинаетъ понуждать оставить личныя счеты и примириться, такъ что, по всему суду, въ недалекомъ будущемъ и они всѣ придутъ къ миру и единству церковному.

Архіепископъ Савватій.

По смерти архіепископа Антонія (8 ноября 1881 года) въ архіепископы былъ возведенъ епископъ Савватій, бывший пустынникъ, много претерпѣвшій отъ гоненій и преслѣдованій, человекъ добраго, мягкаго нрава и отшельническихъ

наклонностей. Его слабымъ характеромъ воспользовались члены так.-наз. „Духовнаго Совѣта“, учрежденнаго еще при жизни архіепископа Антонія въ помощь ему и „освященному собору“ епископовъ, и состоявшаго изъ священниковъ и мірянъ г. Москвы. Еще архіепископъ Антоній не ладилъ съ нимъ за его покушенія на самостоятельность и права архіепископа и епископовъ.

Такъ и вышло. При архіепископѣ Савватіи всѣ дѣла забралъ въ свои руки этотъ „Духовный Совѣтъ“, и даже дошло до того, что сталъ запрещать епископовъ, запрещать ихъ клириковъ безъ ихъ воли, не ставилъ по смерти епископовъ имъ преемниковъ, чтобы поменьше было епископовъ, не собиралъ соборовъ и т. д.

Долго шла глухая борьба изъ-за этого попранія канонъ. Наконецъ, въ 1899 году, когда представился благоприятный случай, именно архіепископъ Савватій далъ правительству подписку не называться архіепископомъ и не священнодѣйствовать, по инициативѣ епископа Арсенія Уральскаго епископы собрались на соборъ, удалили Савватія на покой и уничтожили „Духовный Совѣтъ“, постановивъ управлять церковью на основаніи канонъ, т.-е. собираться на соборы дважды и *непременно* однажды въ годъ.

Архіепископъ Іоаннъ.

Въ преемники архіепископу Савватію былъ избранъ соборне начетчикъ-инокъ Іоаннъ Картушинъ, происшедшій изъ донскихъ казаковъ, благополучно здравствующій и счастливо управляющій церковію понынѣ. При этомъ мастистомъ, умномъ и даровитомъ святителѣ произошло примиреніе огромнаго большинства „неокружниковъ“ съ церковью, а также послѣ почти пятидесятилѣтняго заустѣнія и запечатанія, по ложному доносу господствующаго духовенства, алтарей Рогожскаго кладбища, они были распечатаны правительствомъ, и объявлена свобода вѣроисповѣданія, а затѣмъ признанъ и представительный строй управленія въ Россіи, гарантирующій свободу.

Въ настоящее время въ старообрядческой церкви Россійской области существуютъ 18 епископскихъ кафедръ: 1) московская архіепископія: архіепископъ Іоаннъ; 2) нижегородско-костромская: епископъ Иннокентій; 3) казанско-вятская: епископъ Іоасафъ; 4) самарская, симбирская и уфимская: епископъ Порфирій; 5) саратовская и астраханская:

епископъ Мелетій; 6) пермская и тобольская: епископъ Антоній; 7) томская: епископъ Іоасафъ; 8) иркутская и восточной Сибири: вакантна; 9) кавказская: епископъ Ѳеодосій; 10) уральская и оренбургская: епископъ Ѳеодосій; 11) донская: епископъ Геннадій; 12) смоленская и калужская: епископъ Іона; 13) новозыбковская: вакантна; 14) кievская и житомирская: епископъ Ермогенъ; 15) одесская и балтская: епископъ Кириллъ; 16) бессарабская и измайльская: вакантна; епископъ Александръ; 17) петроградская и тверская: вакантна; 18) рязанская и егорьевская: епископъ Россіи же проживаетъ епископъ Михаилъ канадскій, ученый проповѣдникъ и писатель, бывший профессоръ духовной академіи, присоединившійся къ старообрядчеству отъ господствующей церкви. Кромѣ того находятся на покой епископы Петръ (схимникъ) и Ѳеодосій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Свобода вѣроисповѣданія усилила старообрядческую церковь, давъ ей возможность развернуться внѣшне и развить свои внутреннія духовныя силы. Развилось въ большихъ размѣрахъ церковное строительство, усилилось проповѣдничество, положенъ починъ просвѣщенія въ духѣ христіанской церкви, развилась общественность, литературная дѣятельность и т. п. Нынѣ не только близкіе къ церкви раздорники и бѣглоповцы, но даже единовѣрцы начинаютъ тяготѣть къ ней, понявъ свое несуразное положеніе въ никоніанской церкви. И первое дѣло теперь: сторонникамъ мира и процвѣтанія церкви стремиться къ объединенію съ нею остальныхъ раздорниковъ, а также бѣглоповцевъ, которыхъ еще довольно большое количество.

Оглядываясь на длинный, тернистый и прискорбный путь и „тѣсныя врата“, которыми старообрядчество пришло къ свободѣ вѣроисповѣданія, мы невольно воочію убѣждаемся, что ни гоненія, ни напасти и раздоры, ни еретики неспособны ослабить церкви Божіей, которая не нуждается въ мірскихъ подпорахъ, такъ какъ, по словамъ ея Божественнаго Основателя, „и врата адовы не одолѣютъ ея“.